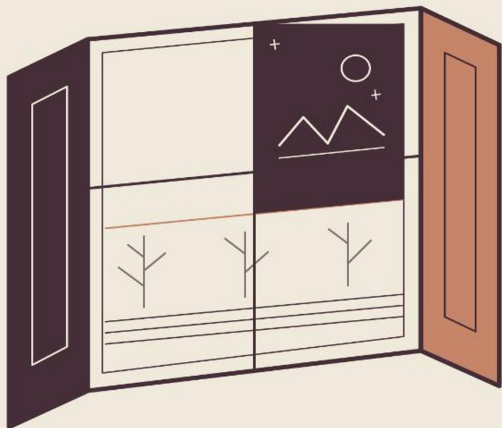

ГЕОРГИЙ ПРОСТ

ДОМ НА ИЗНАНКЕ ЗИМЫ

РОМАН

Георгий Прост

Дом на изнанке зимы

<https://litres.ru/74681014>

SelfPub; 2026

Аннотация

Театральная художница Вера Лоран собиралась расписать окно, получить плату и уехать в столицу. Но заказчик умер за три дня до её приезда, а в одном из его эскизов обнаружилась комната, которой нет на плане.

В Ольховом доме окно выходит в летнюю оранжерею, дверь ведёт в горную обсерваторию, а каждая переставленная деталь меняет путь между комнатами. После похорон наружный выход оказывается отрезан. Кто-то трогает крепления, гости скрывают свои интересы, а в записанных распоряжениях покойного слышны следы чужого вмешательства.

Архитектор Адриан Керн доверяет расчётам. Вера замечает то, чего нет в чертежах. Им нужно разобраться в смерти хозяина и вернуть дому безопасный выход. Работать вместе получается всё лучше. Гораздо труднее признать, как сильно они нужны друг другу, когда за порогом каждого ждёт собственная жизнь.

Содержание

Часть I	4
Глава 1 Цена окна	4
Глава 2 Линия под стеклом	15
Глава 3 Семь мест	26
Глава 4 Северная спальня	37
Глава 5 Восемь грузов	48
Глава 6 Открытая дверь	60
Глава 7 Хозяйственное распоряжение	71
Глава 8 Четыре точки	82
Глава 9 Дорога к кладбищу	92
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Георгий Прост

Дом на изнанке зимы

Часть I

Чужая работа

Глава 1 Цена окна

Картон с морем лежал в снегу лицом вниз. Извозчик держал его за угол и говорил, что это уже второе место багажа, а за второе место нужна доплата.

— Там нет багажа, — сказала Вера. — Там море. Весь ваш возок в него бы вошёл.

— Тогда за большой груз.

Она стояла по щиколотку в снегу и сжимала два медяка. Ехать с ней на холм он согласился за шесть. Четыре она уже отдала, ещё два держала до конца пути, как учил отец. Отец был хорошим портным и плохим знатоком извозчиков. Тот, кого он удержал от обмана двумя медяками, видимо, был редким честным человеком.

— Вы же видели, что я везу.

— Но не знал, что оно так велико.

— Оно не выросло по дороге.

Извозчик взял картон выше. С края сошёл пласт мокрого снега. Вера бросилась ловить лист, нога ушла в яму, и она села на свой сундук. Человек у дверей дома кашлянул. До сих пор она принимала его за тёмный столб под навесом.

— У госпожи Лоран заказ оплачен с доставкой, — сказал он. — За большой груз рассчитаетесь со мной. Пожалуйста, внесите его в сени.

Извозчик сразу перестал быть судьёй и стал работником. Взял море бережно, прижал к груди и прошёл мимо Веры. Она встала, вытерла перчатку о юбку и подобрала портфель с кистями.

— Ян Варос, управляющий. Мы ждали вас к полудню.

— Мост ждал починки, лошадь — овса. Я была единственной, кто не ждал ничего и хотел ехать.

Он улыбнулся ровно настолько, насколько позволяла служба. У него были круглое лицо, короткие седеющие волосы и очень чистые руки. На левой он носил перстень без камня. Ключи на кольце не звенели: между ними лежали кусочки кожи.

— Письмо дошло?

Вера вынула конверт. На плотной бумаге было бурое пятно: в дороге в него завернули стакан чая, и теперь подпись Эмиля Вальдена была словно в рамке.

— Шесть недель назад. Двести марок, половина по приезде, половина по принятии росписи. Никаких устных добав-

лений к смете.

Она сказала последнее с лёгкой улыбкой, чтобы управляющий не счёл её трудным человеком. Она умела произносить условия так, будто извинялась за них. В театре этим пользовались.

Ян прочёл письмо, хотя, судя по взгляду, знал его наизусть.

— Всё верно. Мне нужно сказать вам до начала работы: господин Вальден умер.

Мокрые кисти в портфеле тихо стукнули о банку. Вера подумала о ста марках, которые так и не успела получить, и только потом — о старике, написавшем ей длинное, странно увлечённое письмо. От этой очереди мыслей ей стало стыдно.

— Когда?

— Три дня назад. Ночью. Сердце, по заключению доктора. Похороны завтра.

Она посмотрела на дом. Из одного окна лился жёлтый свет, в другом горела белая полоса, похожая на дневное небо. Над крышей лежал снег. Ольха у крыльца держала столько инея, что казалась сделанной из стеклянных бус. Дом был большой, но без строгого фасада: к одному крылу лепилось другое, низкая крыша вдруг шла вверх, а дальше торчала башенка с жестяным колпаком. Так декорацию видят со двора, где можно разглядеть подпорки.

— Мой заказ тоже умер?

— Нет. Средства отложены. Вы вправе отказаться, но мы просим вас остаться хотя бы до осмотра.

— Кто это «мы»?

— Наследники. И я.

Он открыл дверь. За ней были обычные сени, пахло шерстью и печью. Извозчик поставил море у стены, получил деньги и ушёл. Вера увидела следы полозьев, ведущие вниз к дороге на Бревен. По этой дороге можно было вернуться. Шесть медяков она нашла бы.

— Я осмотрю работу. И потом решу.

Ян взял её сундук с такой привычной ловкостью, что спорить было нелепо.

В холле висела люстра на цепи. Её стеклянные лепестки были разными; два заменили простыми белыми чашками. У дальней стены стояли часы с маятником, широким, как лопатка для угля. Из холла вели три прохода и лестница. На окнах первого этажа изнутри были видны узкие полосы стекла; всё остальное закрывали железные зимние ставни.

— От ветра? — спросила Вера.

— И от льда с крыши. Осенью запираем снаружи. Весной снимаем.

За одним окном она увидела зелень. Сначала решила, что на стекле стоит цветная ширма. Потом лист качнулся и ударился о раму. В щель вошёл тёплый запах земли.

Вера остановилась. На её сапоге начал таять ком грязи.

— Это оранжерея?

— Один из её залов. Не беритесь за ручку. Сейчас контур не закреплён для прохода.

Она отдернула пальцы. Ей даже не было ясно, когда она успела протянуть руку.

— Там лето?

— Там топят. Оранжерея в южной долине, в тридцати вёрстах отсюда. Земля та же. Вот только дорога длиннее.

Он говорил о чуде голосом человека, которому каждый месяц приносят счёт за уголь. Это нравилось Вере больше, чем торжественный тон письма Вальдена. В письме речь шла о соединении искусств, о согласии глаза с мерой, а в скобках было мелко приписано: «Не применяйте белила на свинцовой основе, от них болят головы».

В кабинете пахло пылью, воском и апельсиновой кожурой. На блюде лежал сухой стебель с одним листом. Рядом с чертежами стоял прибор с латунной трубой и заводной рукояткой.

— Он оставил для вас запись, — сказал Ян. — Не успел отправить её с письмом.

Вера знала такие приборы. Театр Бревена как-то взял фонограф для голоса бога из-за сцены. Бог говорил так тихо, что публика требовала вернуть деньги, а актёр всё равно прятался в суфлёрской будке и говорил за него.

Ян достал из коробки восковой цилиндр. На крышке было выведено: «Для художницы В. Лоран. Первое окно». Он поставил цилиндр, провернул рукоять, опустил рычаг. Сначала

раздался треск, потом тяжёлое дыхание, и старик заговорил. Голос был высоковат и сердит.

«Госпожа Лоран. Вы написали мне, что можете заставить плоский забор отойти на сто шагов. Мне нужен обратный труд: свести два существующих расстояния в одну видимую линию. На столе у вас должен лежать альбом в зелёной обложке. Если его нет, Варос опять навёл порядок».

Ян без улыбки вынул зелёный альбом из шкафа.

«Седьмой лист. Павильон. Южное окно. Не пытайтесь писать новый пейзаж: он никому не поможет. Изобразите тот, который увидите. Откажитесь от исправной по учебнику перспективы, если она лжёт вашему глазу. Позовите геометра. Пусть он проверит то, чего глаз не знает. И, пожалуйста, сначала поешьте. Люди у меня почему-то стесняются просить еду».

Шипение кончилось щелчком. Вера выпрямилась, как перед живым заказчиком. Ян поднял рычаг.

— Он был болен, когда это сказал?

— Он всегда так дышал на записи. Сядет близко к трубе и спорит с ней.

— Можно ещё раз?

Управляющий вернул иглу. Голос повторил каждое слово, кашель после «альбома», стук на слове «поешьте». Тот же стук, тот же вдох. Вера знала, как устроен прибор, но от повторения ей стало холодно. Человек хотел, чтобы к его словам вернулись. Он не мог знать, как именно будут слушать.

На седьмом листе был вид из низкого окна. Внизу — каменная балюстрада с косой трещиной, справа — ствол яблони, за ним стена леса. Цветовые пятна нанесены на редкость плохо: старик писал листья как монеты. Линии внизу были точны. Под ними значились размеры, номера планок, пометки о растворе для грунта.

Вера перелистнула альбом. Здесь лежали три плана комнат, вид западной лестницы, набросок колеса. На обороте листа обнаружилась кровать у узкого окна. Кровать была показана со спины, словно художник сидел у изножья. За окном тянулся белый склон. Вера придвинула свечу.

Комната была нарисована дважды: один раз лёгким карандашом, другой — тушью поверх него. Линия пола не совпадала с краем ковра. В углу стоял низкий сундук. Над ним кто-то начертил маленький крест и стёр его так сильно, что бумага истончилась.

— А это что?

Ян не подошёл сразу. Он складывал письмо и закладывал его в книгу расходов.

— Северная спальня. Старая работа. Вам она не нужна.

— На плане её нет.

— В альбоме не всё подряд. Чертежи переделывали.

Он посмотрел и поставил свечу дальше от бумаги.

— Сквозняк поднимает пламя. Мы уже теряли листы.

— Я могу сделать копию? Мне нужно понять, как устроен глаз вашего хозяина.

— Сделайте. Только не входите туда одна. Там холодно, а порог дурной.

Вера вынула тонкий лист и сняла основные линии. Ян занялся ящиком стола. Звякнули монеты. Сто марок он пересчитал на зелёное сукно четырьмя рядами, потом попросил расписку. Вера записала сумму, своё имя, дату и условие: принятие работы отдельно. Он прочёл, кивнул и не предложил убрать ни слова.

Деньги были настоящие: тяжёлые, немного липкие после чужих рук. Из них можно было отдать Элле за два месяца, купить новые щётки Марте и перестать писать хозяйке комнаты, что театр вот-вот рассчитается. Вера убрала их в поясной кошель. Остаться теперь казалось простым делом.

— Господин Керн начнёт с вами сегодня, — сказал Ян. — Он прибыл утром. Обед через час. Ваша спальня у западной лестницы, в главном корпусе. Если дверь не открывается легко, не давите. Зовите меня.

— У вас здесь всё требует договора.

— Именно поэтому мы и собираемся продать дом.

В её комнате стояли чистая кровать, кувшин и узкий стол. Над столом было настоящее окно, но и его закрывала железная ставня. В нижней щели светился снег. Вера сняла сапоги, расстелила мокрое море на полу и бережно отогнула угол. Синяя краска держалась. Море пережило поездку лучше, чем она.

За стеной глухо ударило железо. Через миг ещё раз. Не ча-

сы: между ударами было слишком мало времени. Вера прислушалась, потом стукнули шаги, и всё стихло.

Она достала копию северной спальни. На её листе кровать оказалась слишком близко к окну. Вера уже хотела исправить ошибку, но задержала карандаш. В оригинале подоконник был нарисован с двух точек сразу. Обычно так делал тот, кто хотел скрыть предмет от зрителя и всё же оставить его на сцене.

За дверью прозвучало:

— Чай будете? Только честно, а то управляющий сказал, что вы уже поели, но у него поели все, кому он это предложил.

Вера открыла. На пороге стояла полная седая женщина с подносом. На нём теснились чашка, хлеб, яйцо и толстый ломоть сыра.

— Матильда Рош. Тут я всем мешаю умереть с голоду. Вы как насчёт яйца?

— За яйцо я могу сказать совершенно честно.

Матильда вошла, поставила чай на свободный край стола и посмотрела на море у кровати.

— У нас в доме такого пока нет.

— Оно не действует. Можно наступать.

— Вот это мне по душе.

Вера рассмеялась. Когда дверь закрылась, комната уже не казалась ей гостиницей при чужой смерти. Она ела стоя, дула на чай и смотрела на тонкий лист, на котором две неровные

линии никак не хотели стать одной.

До обеда оставалось мало времени. Она успела переодеться в рабочее платье и написать две короткие записки. Элле — что деньги есть, но пока только половина; Марте — что кисти стоит вымыть сейчас, а не ждать её возвращения. На словах о деньгах Вера остановилась. Ей хотелось пообещать ещё и премию, которую театр должен был дать за летний спектакль. Премии не было, спектакль сняли, а она уже три раза утешала девочек этим будущим доходом. Она перечеркнула «непременно» и написала точную сумму.

Из портфеля выпало письмо матери. «Ты можешь приехать к нам, если станет тяжело, — писала та. — У нас тесно, но стол твой. Отец опять спорит с соседом из-за яблони». Вера погладила бумагу ладонью. Ни к кому ехать не хотелось. Хотелось, чтобы её стол стоял в хорошей мастерской, чтобы сцену Лайра хоть раз увидели через её рисунок и чтобы зимой не приходилось греть клей в той же миске, из которой она ела кашу.

Она убрала письма, нашла гребень и наткнулась на засохший кусок охры. Даже здесь, после двух дней пути, она возила за собой этот жёлтый след. Охра лежала на манжете, на обложке портфеля, под ногтем. Вера поскребла пятно и оставила. Если заказчик требует художницу, пусть получает и часть её краски.

У выхода она ещё раз оглянулась на море. Широкая синяя полоса заняла почти весь пол. Чтобы добраться до шкафа,

пришлось бы переступить через дальний берег. За такие моря в Бревене ей платили мало, но они стояли на сцене прочно. Никто не мог уйти в них и не вернуться к ужину. Вера взяла копию спальни с собой: в незнакомом доме работа была лучшим способом оправдать лишний вопрос.

Глава 2 Линия под стеклом

Вера нашла геометра в проходе, где он сидел на полу, сунув под дверь две полоски бумаги. Третью он держал в зубах. Чёрный жилет был застёгнут неровно; рукав рубашки он закатал по локоть. Перед ним лежали складной метр, отвес и яблоко.

— Вы, должно быть, господин Керн, — сказала она.

Он вынул бумагу изо рта.

— Если вам нужен человек, который чинил бы дверь, то нет.

— Мне нужен человек, которого велел позвать покойный хозяин.

— Тогда да. Адриан Керн.

Он хотел встать, но Вера уже присела рядом и подняла его отвес, едва не укатившийся в щель. На левой руке у него не хватало кончика указательного пальца. Он принял отвес правой и не стал прятать левую. Вера не задержала на ней взгляда.

— Она косит? — спросила она о двери.

— Дверь цела. Проём наклонён на три доли. Бумага проверяет, держится ли он на месте.

— И как?

— Третья полоска пока нужна мне больше, чем двери.

Вера протянула ему свой эскиз. Он не взял: сначала вытер

руки чистой стороной платка. Это было неожиданно приятно. Люди часто считали нарисованное уже грязным.

— Это не моё окно, — сказал он.

— Я знаю. Моё на седьмом листе. Но в этой спальне странный угол.

— Угол здесь вполне возможен.

— Для плотника. Глаз с него видит две разные стены сразу.

Адриан вынул из папки схему. Линии были проведены так тонко, что Вера наклонилась к самому листу. Он пах мокрой шерстью и чем-то хвойным, возможно мылом. Вера немного отодвинулась.

— Здесь оба проёма совпадают, — сказал он. — А в вашем рисунке точка зрения ниже.

— В моём рисунке она там, где человек сидит.

— Тогда нужно поднять человека.

— Не проще опустить линию?

Он посмотрел на неё. Серые глаза показались усталыми, но злости в них не было.

— До сих пор никому не становилось лучше от того, что он опускал линию на плане.

— А моим зрителям каждый вечер становится. Особенно в дешёвых рядах.

Дверь за ними открылась. Мимо прошёл молодой человек с вазой под мышкой. Из вазы торчали перья и обломок трости.

— Вы не скажете, сколько может стоять такая вещь? — спросил он у Веры. — Только как художница. Без общего уважения к прошлому.

— Сейчас она стоит мне шесть минут рабочего времени. Молодой человек задумался, потом поклонился.

— Тео Вальден. У вас хорошие расценки. Дядя не умел так.

Он ушёл, и Адриан поднял яблоко.

— Это я уже оплатил. Можно начать с окна?

Павильонная комната открывалась из короткого коридора. Вера ждала увидеть там лето, но увидела зиму, столь же белую и тихую, как за воротами. Из окна выступала каменная балюстрада. За ней, далеко внизу, лежали два тёмных пруда. По лесу шла тонкая дорога. У самого стекла стояла голая яблоня с повязанной на ветке тряпкой.

— Это где? — спросила Вера.

— Летний павильон старой усадьбы на восточном склоне. До него от Бревена около пяти вёрст по прямой и девять по дороге. Заброшен после обвала мостика. Вальден купил права на строение.

— Значит, комната и теперь там?

Адриан поднял половицу у порога. Под ней блеснула железная планка, к которой была притёрта полоска серого камня.

— Камень отсюда, из главного корпуса. Вторая половина взята из фундамента павильона. Там сделана такая же пара.

Контуры должны держать форму. Без неё это просто два дома с дырками в стенах.

Вера присела. Камень был в рыжую крапинку. Она ткнула в него ногтем.

— Я могла бы написать здесь южный берег?

— Могли бы.

— И мы вышли бы к морю?

— Нет. Но работа была бы красива.

— Хорошо. Я хотела понять, за что мне платят.

Он опустил половицу, затем показал узкий желоб вдоль оконной рамы. В нём под стеклом шла бледная роспись: та же балюстрада, та же яблоня, но точка, где сходились линии камня, была сдвинута вправо.

— Сопряжение уже есть, — сказал он. — Оно держится на металле, камне и расчёте. Однако смотрите сюда.

Он стал у окна, шагнул вбок. Балюстрада будто раздваивалась. Вера моргнула. Одна из линий была тенью, другая — краем, и они расходились на ширину её пальца. В щель между створками тянуло ледяным воздухом.

— Вот, — сказала она. — Здесь взгляд идёт ниже. Ваш мастер пытался поправить дальнюю точку, хотя ошибся в ближнем ребре.

— По расчёту ребро стоит верно.

— На сцене у нас есть мост. Его рисовал очень учёный человек. У моста семь безупречных опор, но актёры идут под воду. Я закрыла одну опору кустом, и теперь все живы.

— Здесь куст не поможет.

— Потому я и не предлагаю куст.

Она достала из портфеля кусок белой нити и четыре кнопки. Адриан молча следил, как она натянула нить от одного угла рамы к другому, потом по диагонали. Вера попросила его встать на её место. Сам он был выше, пришлось подставить под ноги низкую скамью. Она поднялась на неё и снова вытянула руку.

— Смотрите на трещину. Только на неё. Не на край.

— Она уходит вверх.

— А должна стоять. По стеклу пройдёт другая линия. Не настоящая каменная трещина, её мы не тронем. Я уберу ложный отблеск и дам глазу верный край.

Адриан приложил линейку к стеклу. Отсчитал, нахмурился. Потом снял с верхнего угла одну из узких металлических накладок. Под ней была старая прокладка, сплюснутая с одного конца. Он положил её Вере на ладонь.

— Вы правы. Сама планка верна. Подкладка просела.

Сказал без досады, словно речь шла о погоде. Вера ждала объяснений, почему он всё равно прав, и не дождалась.

— Я не могу закрасить просевшую доску, — сказала она.

— А я не могу измерить то, чего не заметил. Нам придётся потерпеть друг друга.

Она засмеялась и чуть не уронила кнопку. Он подставил ладонь. Кнопка упала ему на запястье; обе руки остались на месте ещё миг, потом Вера забрала её.

За окном что-то хлопнуло. По балюстраде пронеслась чёрная птица. Вера отпрянула и стукнулась спиной о скамью. Адриан протянул руку, но не схватил её.

— Птица настоящая?

— К сожалению для ваших нервов. Стекло тоже настоящее. Только за ним другой склон.

— А мы отсюда можем выйти?

— После закрепления — в павильон. На террасу лучше не ступать. Мост к тропе разрушен, перила сгнили. Сейчас мы работаем с окном, проход закрыт отдельной скобой.

Он показал чёрную скобу на двери рядом. Она сидела снаружи проёма, как скоба сундука. Вера запомнила её вид: два толстых болта и плоская головка штыря.

— У вас всё так близко, а ходить всё равно долго.

— Вальден любил сокращать путь для гостей. Потом оказывалось, что слуге нужно сделать втрое больше шагов, чтобы принести им чай.

В этом прозвучало слишком много личного. Вера подняла взгляд.

— Вы работали у него?

— Несколько лет. Давно.

— И теперь вернулись?

— По отдельному договору. Проверка перед продажей. Я должен подтвердить, что за дверью находится то, что обещано в описи, и что туда можно войти с обеими ногами.

— Хорошая формулировка для счёта.

— Вы смеётесь, а я её почти так и написал.

На подоконнике лежал пузырьёк с высохшим лаком. Вера осторожно открыла его. Из горлышка выпал тонкий круг смолы. Она растёрла крупинку между пальцами, понюхала.

— Этот слой нельзя покрывать тем же лаком. Он темнеет у тепла. Для театра годится, до конца сезона доживёт. Здесь нужна другая основа.

— Сколько времени?

— Чтобы снять старый слой, вечер. Чтобы высохло — зависит от воздуха. Сам рисунок короткий. Я бы хотела сделать пробу на съёмном стекле.

Адриан достал блокнот и записал. Она следила за карандашом: левой рукой он держал страницу, двумя пальцами прижимая сгиб. Движение было привычным, но иногда большой палец уходил слишком далеко и лист выскальзывал. Тогда он ловил его правой без раздражения.

— Я могу держать, — предложила Вера.

— Спасибо. Сейчас закончу.

Он не объяснил, почему не отдаёт ей блокнот. И она не стала объяснять, что хотела помочь. В театре от неё всегда требовали всё понимать без слов; здесь ей вдруг понравилось, что простое предложение могло остаться простым.

Они сняли внутреннюю раму и положили её на стол. Стекло скрипнуло. Вера видела теперь, что старая краска местами шла плотными мазками, а у нижнего ребра была соскоблена почти до конца. Там человек работал торопливо, воз-

вращался, опять снимал слой. Вальдену явно не хватало навыка. Зато он знал, где следовало смотреть.

— Хозяин сам писал?

— Да. Он сердился, когда кому-то это не нравилось.

— Вам не нравилось?

— Я однажды спросил, почему он платит мне за меру, но не берёт живописца за цвет. Мы потеряли весь обед на спор.

— Должно быть, обед был плох.

— Матильда до сих пор считает, что это я его испортил.

Они выбрали место для пробы. Вера обвела на бумаге край рамы, Адриан отметил точки креплений. Несколько минут они работали без слов, и это оказалось легче прежнего спора. Когда Вера потянулась за банкой, она была уже у её локтя. Когда он искал линейку, Вера отодвинула рисунок, на котором та лежала.

Из холла донёсся звон. Адриан посмотрел на часы.

— Обед. В этом доме можно спорить с мёртвым хозяином, но с живой Матильдой не советую.

Вера убрала кисти, а копию северной спальни оставила на столе. Он задержался над ней.

— Вы сказали, её нет на плане?

— На том, который дал мне Ян.

— На моём есть её дверной узел. Без самой комнаты. Мне сказали, участок закрыт и не входит в проверку.

— А хозяин нарисовал её рядом с заказом.

Адриан свернул линейку. По лицу было видно: он выби-

рает между любопытством и тем, что написал в договоре.

— Посмотрим после обеда, если Нора разрешит. Теперь это её дом тоже.

В коридоре Вера обнаружила, что дверь, под которую он подкладывал бумагу, открывается в кладовую. Там стояли тряпки, кадка и два пустых ведра. С виду ничего странного. Но одна бумажная полоска теперь свисала, а другая была зажата плотно. Адриан не стал трогать их. Он поставил на полу мелом маленький крест, и они прошли дальше.

На лестничной площадке стояла тяжёлая тележка. На ней был ящик с чистыми стеклянными листами. Адриан остановился, глядя, как ящик прижат к краю площадки одним колесом.

— Это ваше? — спросил он.

— Увы, мои вещи не так дороги.

Он перенёс ящик к стене. Вера взялась за другой край прежде, чем он успел что-то сказать. Вес оказался не по силам одному, но вдвоём они поставили его без труда. Из-за поворота появилась женщина в сером платье. На поясе у неё висел футляр, в руках была тёмная ткань.

— Прошу прощения. Мне велели поставить всё сюда. Здесь лучше свет.

— Здесь лучше всего падать, — сказал Адриан. — Инга, мы передвинули ваши пластинки. Они целы.

Оценщица присела и открыла крышку. Проверила края каждого листа быстрым, точным движением. Вере понрави-

лось, что она не стала делать вид, будто доверие важнее проверки.

— Целы. Благодарю. Вы художница? Инга Лесс. Я видела ваш портфель в сениях.

— Вера Лоран. Вас выдал ящик.

— Меня выдают все мои вещи. У геометров хоть линейки входят в карман. Я еду с одной камерой, а на станции считают, что я везу мебель.

— И море, — сказала Вера.

Инга выпрямилась, вопросительно подняв бровь. Вера рассказала об извозчике. Та коротко рассмеялась.

— В столице за море взяли бы ещё и пошлину. Здесь вам повезло.

При слове «столица» Вера едва не спросила о театре Лайра, но сдержалась. Её работа ещё лежала мокрой на полу. Просить рекомендации в первую минуту знакомства было бы похоже на просьбу дать в долг до того, как названо имя.

Инга взяла ткань и пошла к столовой. Вера осталась помочь Адриану убрать тележку. Под ней на полу тянулись два полукруга от колёс. Один уходил к западной лестнице, другой — к узкой двери в стене.

— Что там? — спросила она.

— Шкаф для уборки. По старому плану.

— У вас всё по старому плану?

— Поэтому я здесь.

Он попробовал ручку. Дверь была заперта. На медной на-

кладке виднелась свежая светлая царапина, но вокруг лежала пыль. Вера подумала о тележке, которую могли тащить криво. Сказала об этом вслух. Адриан кивнул и записал в блокнот положение двери. Затем они вернули пустую тележку к стене и пошли на голос Матильды, уже успевшей назвать остывший суп личным оскорблением.

Глава 3 Семь мест

Нора Вальден разрезала хлеб так, словно от этого зависел исход тяжбы. Каждому достался ровный ломоть. Последний она пододвинула к пустому месту у торца стола, заметила это и вернула в корзину.

— Отец сидел здесь, — сказала она Вере. — Можете занять его стул. Он не был к нему пришит.

Вера села сбоку. У торца стояло слишком широкое кресло, обитое зелёной тканью. Она знала такие места: если сесть, придётся говорить больше всех, а если не говорить, все решат, что она ждёт просьбы.

Нора была старше её лет на семь. Короткие волосы она заколола двумя простыми шпильками. На вороте тёмного платья виднелся след от мыла, а руки были красные, с мелкими трещинами. Она не пыталась скрыть их под столом. Вера слышала, как в сенях Нора велела Яну не присылать за ней экипаж в прачечную: заказчицы подумают, что цены опять вырастут.

Тео уже сидел над супом. Вазы с ним не было. Когда Матильда внесла блюдо, он поднялся и потянулся помочь, но задел рукавом ложку. Та упала на пол, и Матильда только вздохнула.

— Сядь. Одно доброе дело за обед с тебя довольно.

Ян помог Инге снять с соседнего стула чехол камеры. Она

установила прибор на низком столике у стены.

— Прямо за едой? — спросил Тео.

— Сейчас у вас лица, а мне нужен шкаф. Можете есть как угодно.

— Лицо у меня тоже относится к наследству.

— Если будете так сидеть, на снимке от него останется ухо.

Тео поправил воротник, проверил отражение в серебряной крышке и пересел. Инга накрыла голову тканью. Пока она смотрела в камеру, Ян тихо сдвинул со шкафа связку писем. Вера заметила лишь потому, что следила за лучом света: без белых конвертов тёмная полка стала пустой.

— Их надо оставить на месте, если вы оцениваете имущество? — спросила она.

Инга подняла ткань.

— Бумаги отдельно. Я фиксирую состояние мебели и креплений. Личные письма в опись снимка не входят.

— Рад слышать, — сказал Ян. — У господина Вальдена было много личного.

— И мало места для чужого, — отозвалась Нора.

Она сказала это без вызова, глядя в тарелку. Ян обошёл стол, налил ей воду. Она отодвинула стакан, чтобы он не налил на хлеб.

Матильда села последней. Вера ждала, что та уйдёт на кухню, но возле неё стояла своя тарелка, ложка и небольшой нож с костяной ручкой. Это был обед семи людей, которым

предстояло решить судьбу восьмого, уже не способного мешать.

Ян отложил салфетку.

— Прошу простить разговор за столом. Госпожа Лесс уезжает после сверки, и нам нужно согласовать порядок. Есть покупатель на весь комплекс. Он предлагает сумму, при которой наследникам не придётся ни закрывать переходы, ни содержать пустые строения.

— Он покупает ещё и долг дяди мне? — спросил Тео.

Нора подняла на него глаза.

— Какой долг?

— По старой расписке. Я давал ему средства на ремонт.

— Ты?

— У меня бывали средства.

Он сломал корочку и стал крошить её над супом. Ян положил ладонь на край стола.

— Все бумаги будут проверены. Сейчас о доме. Нора, ваша доля позволит расширить дело.

— Моё дело уже расширялось дважды без этой доли.

— Но ценой вашего труда.

— Мне как раз нравится, когда дело растёт ценой моего труда.

Ян медленно кивнул. Вера слышала в его голосе то же терпение, с каким он торговался у крыльца. Он умел дать другому человеку закончить и от этого казался правым.

— Я не зову вас жить здесь. Я предлагаю избавиться от

расходов.

— Тогда не называйте продажу возвращением в семью. Я получила ваше письмо. Два раза перечитала.

Инга опустила крышку объектива, закрыла кассету и убрала её в ящик. Лишь после этого подошла к столу.

— Техническая цена и цена земли будут разными, — сказала она. — Господин Керн ещё не дал заключения. Мой предварительный отчёт не равен разрешению на сделку.

— Разумеется, — ответил Ян. — Вот почему мы все здесь.

Вера получила от него внимательный взгляд и поняла, что пора говорить о своём договоре.

— Я восстанавливаю роспись одного окна. Если выяснится, что нужно переписывать все, мы обсудим новую смету. Моя подпись не подтверждает безопасность переходов.

Тео с явным удовольствием отодвинул тарелку.

— Я начинаю понимать, зачем дядя вас позвал. Вы умеете говорить «если» до того, как он сказал «всего лишь».

— Не всегда, — призналась Вера.

Адриан сидел напротив и не смотрел на неё, но угол его рта чуть дрогнул. Вера почему-то почувствовала себя лучше.

Ян вынул из внутреннего кармана часы.

— Нам осталось около трёх суток до зимней сверки. Она пройдёт на рассвете четвёртого дня, как каждый год. При исправных узлах это обычная процедура. Господин Керн проверит опоры, госпожа Лоран приведёт в порядок окно павильона. Затем можно будет подписать акт состояния.

— А если опоры неисправны? — спросила Нора.

— Мы их исправим.

— «Мы» — это кто?

— Я дам заключение, — сказал Адриан. — Если найду работу за пределами осмотра, назову её отдельно. Пока мне не дан полный комплект чертежей.

Ян посмотрел на него с лёгкой печалью.

— Вы знаете, как хранил бумаги Эмиль. Я соберу всё, что найду.

Вера подумала о зелёном альбоме, который тот достал сразу, но промолчала. У каждого рабочего человека должен быть запас сомнения к чужому столу: в её портфеле лежала квитанция за клей двухлетней давности, а новый эскиз она вчера искала под сиденьем возка.

Матильда сняла крышку с блюда.

— До сверки вы ещё девять раз проголодаетесь. Сейчас мясо. Потом ваши акты.

Тео с готовностью взял вилку. Нора спросила, сколько стоит уголь для оранжереи. Ян назвал сумму. Нора отложила нож.

— За месяц?

— За зимний месяц.

— У меня три котла в прачечной едят меньше.

— В вашей прачечной, полагаю, не растут пальмы.

— И замечательно обходятся.

Смех впервые прошёл по всему столу. Даже Ян улыбнулся.

ся без труда. Вера посмотрела на лица. Если бы покойный не стоял между ними, это мог бы быть обычный обед перед большим ремонтом: упрямые хозяева, недовольные мастера, родственник, который хочет продать шкаф, и женщина с кухни, знающая цену всем их разговорам.

После еды Нора подошла к буфету за пальто. Вера спросила о северной спальне. Нора не сразу поняла, затем взяла её рисунок двумя руками.

— Эту комнату он привёл в дом, когда я ещё жила здесь. Долго звал смотреть звёзды. А ночью поссорился со мной из-за счёта за новую печь. Я сказала, что к звёздам он внимательнее, чем к теплу внизу. Он ответил: печь может сложить любой. Больше я туда не ходила.

— Теперь она заперта. Мы бы хотели взглянуть.

— Смотрите. Это и моя доля, верно? Хоть раз пригодится.

Ян услышал конец фразы.

— Там сквозняк. Отдам вам ключ после чая, сходим вместе.

— Почему не сейчас? — спросила Нора.

— Мне нужно отпустить мальчика с конюшни. И закрыть кладовую. Десять минут.

Он ушёл, а Тео подхватил тарелки. Нора остановила его у двери.

— Какую сумму ты дал отцу?

— Об этом есть бумага.

— Я спросила о сумме.

— Сорок марок.

Она некоторое время смотрела на него. Тео выдержал взгляд, но на скулах проступила краснота.

— В тот год ты просил у меня три сапога.

— Сапоги нужны в любой год.

Он ушёл с тарелками, не дожидаясь ответа. Вера предложила забрать половину. Тео хотел отказать, но верхняя тарелка съехала, и ему пришлось признать пользу помощи.

На кухне был низкий потолок, толстые балки и длинное окно почти под самой крышей. Снаружи окно закрывала ставня, но в узкой щели белел снег. Возле неё висела жердь с крюком.

— Форточка, — объяснила Матильда, заметив взгляд. — Вытягивает пар. Целиком ставню откроют весной. Сейчас и кошка не пролезет.

— А мышь? — спросил Тео.

— Тебе хватит двери.

Из кладовой принесли дрова: снег осыпался с поленьев на каменную плиту. Матильда закрыла за носильщиком дверь и сказала, что уголь со двора носят через главные сени. Когда-то в кухне был отдельный выход, но Вальден заложил его кирпичом ради большого котла. Теперь, если развести пар, страдает вся прислуга, пока добежит до холла.

Адриан появился с чертежом и спросил, можно ли обмерить кухонную стену. Матильда велела мерить после хлеба. Ей нужно было ещё поставить тесто. Он послушно убрал ли-

нейку и поднял ведро.

— Куда воду?

— На стол. Только не на край, где пол дрожит.

— Пол дрожит?

— Когда по лестнице идёт Ян с углём. Было так ещё до ваших чудес. Не всё здесь придумал хозяин.

Это замечание Вера запомнила. В этом доме было легко приписать любую трещину сложной науке и пропустить простую гнилую доску.

Инга вынесла из столовой ящик с пластинками. Вера придержала дверь, и та сказала:

— Вы работали в театре Бревена? На зимней «Лодке»?

— Я писала задник.

— Там было хорошее тёмное небо. Без этих огромных звёзд, которые всегда похожи на пуговицы.

Вера ощутила внезапную радость. Спектакль провалился, актёр сломал весло, управляющий труппой скрылся с частью сборов. А кто-то запомнил её небо.

— Звёзды были бы, но у нас украли серебряную краску.

Инга засмеялась.

— Иногда хозяйственный учёт полезен искусству.

Вера могла бы приукрасить это дело, рассказать о строгом замысле. Вместо этого она спросила, кому в Лайре нужны эскизы новых задников. Инга назвала две мастерские и велела записать адреса позже, когда у неё будут свободны руки. Рекомендаций она не обещала, но и этот сухой ответ оказал-

ся лучше доброго «когда-нибудь».

У двери в холл их ждал Ян с кольцом ключей. Он держал в пальцах длинный ключ с плоским языком и круглой головкой с двумя отверстиями. Остальные, обычные, висели ниже.

— Северный узел заперт отдельно, — сказал он Адриану.
— Прошу не давать никому этот ключ. У меня единственный экземпляр. Дверь самой спальни откроем малым, но к планке допускают только того, кто знает крепёж.

— Мне понадобится и планка, — сказал Адриан.

— Когда дойдём до неё по порядку. Сегодня вы просили посмотреть комнату.

Нора за его спиной подняла со стула своё пальто.

— Я тоже пойду.

— Там холодно, — повторил Ян.

— Ты уже говорил.

Она надела пальто, не дожидаясь помощи. Вера взяла портфель, хотя для осмотра хватило бы карандаша. Ей захотелось иметь при себе все свои вещи. На столе ещё стояли семь стаканов. У пустого кресла Матильда сложила салфетку в ровный квадрат и убрала в буфет.

Нора отстала у главного входа. На крючке висел её старый вязанный шарф. Она сняла его и встряхнула. Из складки выпала сухая травинка.

— Летом заходили? — спросила Вера.

— Нет. Матильда носит. Я оставила его лет десять назад.

Она всё говорит: зайдёшь зимой, пригодится.

Нора намотала шарф поверх воротника. Вера удержала язык: хотелось сказать что-то ласковое про ожидание, но у этой женщины хватало людей, объяснявших ей чувства к родному дому.

— У вас в прачечной много работников?

— Четверо. По большим заказам шестеро. Одна сама когда-то носила бельё сюда. Отец не знал. Спросил бы — узнал. Но спросить проще было меня: почему я ещё не вернулась.

— Я оставила двух помощниц без платы. Теперь исправлю.

Нора посмотрела на неё внимательнее.

— Вы должны им за свою работу или за чужую?

— Театр должен нам всем. Но звала их я.

— Значит, с театра тоже требуйте. Иначе они в следующий раз поверят вам, а вы не сможете заплатить уже за троих.

Вера поправила ремень портфеля. Это был слишком точный совет для первого обеда. Она не сердилась, однако сразу захотела ответить, что всё гораздо сложнее, что директор обещал сборы, что девочки сами знали риск. Она промолчала. Нора не стала развивать тему.

Через приоткрытую дверь сеней донёсся голос мальчика, который привозил уголь. Ян давал ему поручение: утром подать экипаж к десяти, после кладбища ждать у ворот; утром через день доставить почту. Мальчик повторил каждое сло-

во, затем застучал сапогами по крыльцу. Дверь закрылась, отсекая белый свет.

— Мне нужно будет заехать в город после похорон, — сказала Нора. — Дать зарплату. Ненадолго.

— Тут, кажется, всем ненадолго, — сказала Вера.

— Да. Кроме Яна. Он в этом доме дольше меня. Иногда думаю, что знает не только, где что стоит, но и где кто должен стоять.

В холл вернулся управляющий и спросил, готовы ли они. Нора убрала руки в карманы. Вера проверила, не высыпались ли из портфеля кнопки. Затем они пошли за Адрианом к северному коридору.

Глава 4 Северная спальня

В северном коридоре висела гравюра: корабль уходил в море под целым лесом парусов. Край бумаги покоробился от сырости. Вера хотела поправить его, но у стены было так холодно, что она сунула пальцы обратно в рукава.

Ян открыл невысокую дверь обычным ключом. За ней оказалась ещё одна рама, обитая по краям войлоком. Адриан остановил его.

— Сначала порог.

Он положил на пол тонкую линейку, проверил её излом у медной полосы. Ян ждал, опустив руку с фонарём. Нора стояла сзади, и все четверо мешали друг другу в узком проходе. Чтобы взглянуть через плечо Адриана, Вере пришлось встать почти вплотную. Она ощущала тепло его спины и сквозняк у щиколоток, как две погоды на разных сторонах тела.

— Можно. По одному, — сказал он.

Комната пахла льдом и старым деревом. Голые доски были серыми, будто их давно скоблили песком. У стены стояла кровать под бурым одеялом; рядом — высокий стул и стол с наклонной крышкой. Вера сразу узнала сундук на рисунке. Он был выше, чем ей показалось, и стоял на железных ножках.

За окном тянулся горный склон. Внизу летели клочья об-

лаков. Сквозь них было видно тёмное хвойное дерево, а дальше — край каменного купола. Ветер бил в стекло мелкой снежной пылью. Ольховый дом на холме тоже стоял под снегом, но это была другая зима: резкая, сухая, высокая.

Нора подошла к окну и остановилась на полушаге.

— Он убрал трубу.

В углу возле стены остались четыре круглые вмятины. Вера представила астрономический прибор на ногах.

— Трубу увезли прошлой весной, — сказал Ян. — Для починки. Вернуть не успели.

— Кто не успел? Отец или мастер?

— Я узнаю по счетам.

Адриан смотрел на раму. На верхней планке был выбит номер. Он занёс его в блокнот. Вера вынула копию и стала у изножья кровати. Лист был точен: высота окна, срез доски, дальний угол. Только ковёр теперь лежал иначе. На рисунке один его край уходил под сундук; здесь до сундука оставалось две ладони голого пола.

Она присела. По доскам тянулась светлая полоска, вдоль которой ворс раньше закрывал дерево. На новом месте у ковра лежала ровная серая пыль, как по трафарету. Рисунок пола под краем был странный: одна короткая линия продолжалась под доску, а две соседние обрывались на границе мазка.

— Здесь красили, — сказала она.

Ян подошёл.

— В прошлом году. Пол был в пятнах от масла.

— Могли подкрасить позднее?

— Возможно. Матильда скажет. У меня нет списка каждой кисти.

Вера почувствовала, как неприятно прозвучал её вопрос. Она сама не смогла бы перечислить все пятна на театральной сцене. Но здесь мазок был поразительно ровным и новым. Старый серый пол имел матовый блеск от ходьбы; прямоугольник у сундука впитывал свет.

Она не стала трогать его пальцем. Положила рядом свой лист и выровняла по шву досок.

— Посмотрите, — сказала Адриану. — На рисунке ножка сундука здесь. Сейчас вот здесь. Если сдвинуть ковёр, скрытый угол станет виден.

— Сундук передвигали, — сказал Ян. — Естественно, вместе с ковром. Мы искали бумаги.

— Когда?

— После смерти хозяина.

Нора повернулась от окна.

— Ты сказал, сюда никто не ходит.

— При его жизни — почти никто. Сейчас мне приходится наводить порядок везде.

Его тон не изменился. Вера подумала, что сама слышала то, чего он не говорил. «Комната закрыта» не означало «комнату не открывали». Если человек прячет плохо сделанную уборку от наследницы, это ещё ничего не доказывает.

Адриан опустился на колени у порога и провёл взглядом

вдоль пола.

— Переставляли и крайний плинтус?

— Его снимали для проверки креплений.

— Кто?

— Я. Эмиль велел, потом сам проверил. Это было до его смерти.

— Нужна запись о проверке.

— В технической книге.

Вера слышала, как за стеклом с сухим шелестом бежит снег. Она подняла глаза на кровать. Подушка лежала сбоку, не под одеялом. На спинке висела шаль с выцветшим краем. Ни на рисунке, ни в письме этой шали не было. Нора взяла её за угол.

— Моя мать вязала. Он говорил, что колется.

Она не прижала шаль к лицу, не спрятала в карман. Просто держала, будто проверяла вес вещи, которая пережила сразу двоих.

— Здесь ему нравилось сидеть ночью, — сказала Нора. — Он мог позвать из постели посмотреть на звезду, а утром удивляться, что я засыпаю за столом. Потом я стала запираť дверь.

— После его болезни мы хотели утеплить окно, — сказал Ян.

— После какой болезни?

— Зимой он жаловался на сердце.

Нора осторожно вернула шаль.

— Мне об этом никто не написал.

— Он запретил тревожить вас.

Она посмотрела на управляющего так, что тот отвёл взгляд к фонарю. Вера знала этот способ заботы: решить за человека, какое известие ему полезно, потом назвать молчание добротой.

У стола лежала крошка красного мела. Вера заметила её, когда сняла перчатку, чтобы переписать размеры. Мел был жирный, плотницкий; таким отмечают доску перед распилом. На срезе у ножки кровати виднелась красная точка. Она перенесла её в свой рисунок. Ян следил за карандашом.

— Вам нужна вся комната?

— Я отмечаю, что вижу. Это быстрее, чем вспоминать.

— Откуда этот крест?

— В оригинале был. Над сундуком.

Он наклонился к листу, затем разогнулся.

— Старый знак мастера. Здесь их много.

Адриан между тем попробовал маленькую дверцу в правой стене. Она не поддавалась. Ян взял с кольца длинный плоский ключ, но не отпер.

— За ней головка северной планки. В такой мороз не советую её открывать. Тяга уйдёт вниз.

— Не от самого открытия дверцы, — сказал Адриан.

Ян некоторое время молчал.

— Вы работали с Эмилем, а я живу с этой дверью двадцать лет. Если хотите, возьмите на себя риск.

Он протянул ключ. Адриан не взял его сразу. Посмотрел на маленькие отверстия по краю дверцы, на иней вокруг нижнего винта.

— Сейчас нам нужен другой инструмент. Оставьте пока закрытой. Но завтра я проверю её с разгрузкой.

Ян убрал ключ. Вера не поняла, кто уступил. Ей не нравился разговор, в котором безопасность служила последним доводом каждого, но она знала слишком мало, чтобы вмешаться.

Нора села на стул. Дерево скрипнуло. Она тут же поднялась и коснулась спинки, будто поймала себя на чужой привычке.

— В основной спальне теплее, — сказала она. — Там теперь гроб? Можно будет побыть одной?

— Можно, конечно. Всё готовят, — ответил Ян. — Я провожу вас.

— Я знаю дорогу.

Она вышла. Управляющий сделал шаг следом, затем повернулся к Вере.

— Прошу не двигать мебель. Для вашей же работы нам нужен точный порядок.

Когда он ушёл, холод стал слышнее. Адриан стоял у стола, держа открытую ладонь над местом, где висела лампа. С потолка спускалась цепь с пустым крюком.

— Здесь недавно светили, — сказал он. — На цепи нет пыли внизу.

— Он сидел ночью. Нора сказала.

— Да.

Ответ прозвучал так ровно, что Вера посмотрела на него.

— Вы думаете, Ян лжёт?

— Он не дал мне книгу. Пока я думаю только это.

Она убрала копию в портфель, оставив между листами отдельный набросок пола.

— А я слишком часто говорю заказчикам, что всё будет готово к утру. Поэтому не люблю ловить людей на точности слов.

— Но всё-таки ловите.

— Только если от неё зависит моя краска.

Адриан поднёс свечу ниже. Новый прямоугольник пола был не мокрый, однако по краям сохранил очень мелкие борозды от щетины. Вера указала на них карандашом.

— Это не старое масло. Слой наносили кистью поперёк доски. Кто-то хотел закрыть пятно или царапину. Я пока даже не знаю, чем.

— Сколько сохнет такой слой?

— Здесь? Может, долго. Может, его привезли готовым на доске. По виду нельзя назвать день. Я не хочу вам сочинять.

Он кивнул и записал её слова полностью, даже последние. Это немного смутило Веру.

У выхода она задержалась. С этого места рисунок Вальдена наконец сложился: кровать уходила в глубину, окно резало стену, сундук закрывал нижнюю часть комнаты. Старик

намеренно понизил точку зрения. Человек, сидящий на стуле, видел бы пол перед сундуком почти целиком. Человек у двери — нет. Вера попробовала встать ещё ниже и поняла, что в рисунке был третий угол, почти незаметный, скрытый за кроватью.

— Там есть ещё место, — сказала она.

Они прошли вдоль спинки. За кроватью у стены стояла узкая скамья, не видимая с порога. Её ножки оставили в полу четыре тёмных следа. Между ними был пятый — короткий, овальный, будто на доски ставили тяжёлую вещь с круглым основанием. На рисунке Вальдена овала не было.

Адриан опустился рядом, но трогать след не стал.

— Это может быть от печи, — сказал он.

— Может.

Вера сняла его на бумагу вместе со швом досок. Она не понимала, что ищет, и от этого каждый пустяк хотел стать важным. Нужно было удержать себя от красивой истории, пока у неё имелся лишь холодный пол и чужая мебель.

Они вышли в коридор, тщательно переступив медную полосу. Тёплый воздух ударил в лицо. Адриан прикрыл внутреннюю раму и проверил зазор ладонью. Наружный ключ остался у Яна.

Вера слышала далёкие голоса: Матильда звала Тео, кто-то передвигал стул. Дом жил в десятках простых звуков. Только у северной двери они обрывались слишком резко. Она обернулась к гравюру с кораблём и увидела на её нижнем краю

белую полоску инея. Тепло уходило из коридора в щель под рамой.

— Скажите Яну, чтобы принёс войлок, — произнесла она.

— Иначе тут скоро вся стена потечёт.

— Скажу.

Адриан посмотрел на рисунок в её руках.

— Вы не отдадите ему копию?

— Сначала закончу. Потом сделаю вторую, если ему нужна.

Так она обычно говорила директору театра, когда тот пытался унести незаконченный эскиз в кассу и объявить его готовой декорацией. Здесь привычная фраза обрела иной вес. Вера застегнула портфель и пошла рядом с геометром, стараясь не задевать его локоть в тесном проходе.

В кабинете Инга снимала общий вид стола. Она замерла под тканью и попросила их не ходить у окна, пока открыт объектив. Вера остановилась на одной ноге. Адриан придержал за край её портфель, чтобы тот не качнулся. Несколько секунд они стояли так нелепо, что Вера начала беззвучно смеяться. Инга закрыла объектив и выглянула.

— Если будете стоять неподвижно, я могу сделать и ваш портрет. Но заказывать его придётся отдельно.

— Лучше пол, — сказала Вера. — В северной комнате. Он точно выдержит дольше меня.

— Вы хотите снимок для работы?

— Да. Пока не знаю, можно ли по нему будет что-то све-

ритель.

Инга придвинула стул.

— Снимок не даст вам цвет как на картине. И рисунок в углу может потеряться. Я поставлю шкалу и возьму несколько положений. Проявить смогу вечером, если найдём тёмное помещение с водой.

Адриан предложил кладовую возле кухни. Инга спросила о щели под дверью и о том, есть ли там печь. Оказалось, холод важнее удобства. Они договорились осмотреть другую комнатку после чая.

Вера разложила копии на краю стола. Перед камерой ещё лежал раскрытый технический журнал. В строках шли даты и короткие записи: «Проверено», «Заменён войлок», «Опора принята». Почерк был разный. У последней строки подпись Вальдена взлетала вверх круче, чем на письме.

Она машинально достала конверт. Адриан заметил и наклонился.

— Что?

— Ничего. Я сама порой подписываюсь синим карандашом, потому что перо куда-то делось.

Инга вернула журнал на подставку.

— Если хотите сравнивать, сравнивайте с несколькими листами. Одной подписи мало. На снимке у меня останется страница целиком.

Вошёл Ян. Он принёс новый кусок войлока и охотно выслушал замечания о холоде. Потом проверил, где стоит све-

ча, закрыл журнал и убрал в ящик. Вера не успела дочитать дату. Она могла бы попросить открыть книгу, но почему-то постеснялась.

— Пол снимете завтра, — сказал управляющий Инге. — Сейчас там слишком темно, а мне нужно проверить верхние лампы.

— У меня есть фонарь.

— Я не возражаю. Просто предупреждаю.

Он положил войлок у двери и ушёл за инструментами. Инга посмотрела ему вслед, затем записала у себя время и номер пластинки. Вера взяла карандаш и сделала то же самое на своём листе. Поступок был маленький, почти детский, но от него стало спокойнее: теперь ей не придётся хранить всё в голове и гадать, кто что сказал раньше.

Глава 5 Восемь грузов

Дверь кладовой открылась на горячий зелёный мрак. Вера стояла с пустым ведром и смотрела на листья, которые заняли место двух мешков муки. У её ног лежал порог из белого камня, хотя до этого здесь было дерево. По ту сторону блесла вода. Капля упала с листа и попала в ведро.

— Матильда? — позвала Вера.

Кухарка обернулась от печи.

— Ну что там ещё?

— Ваши мешки проросли.

Матильда подошла с ложкой в руке. Отступила, придерживала Веру за локоть и захлопнула дверь. Ложка оставила на её рукаве жирную полоску.

— Не стой у порога. Ян!

Голос её оказался сильнее, чем Вера ждала. В холле что-то упало. Тео прибежал первым, следом Адриан. Он выслушал, положил ладонь на дверь и велел всем отойти. Вера уже собралась помогать, но он показал на ведро.

— Подставьте под щель. На той стороне мокро, а на этой скользко.

Это дело было ей понятно. Она поставила ведро так, чтобы ловить редкие капли. Матильда тем временем отодвинула с пола мешок картофеля. Тео принёс две длинные доски, которые до этого служили опорой ящикам Инги.

— Не открывать, — сказал Адриан Яну, появившемуся с ключами. — Сначала разгрузим боковую раму.

— Это происходит на перемене тяги, — ответил тот. — Сейчас пройдёт.

— Я хочу, чтобы прошло при закрытой двери.

Он сказал тихо, и Ян перестал тянуться к ручке. Под деревом раздался щелчок. Медная полоса вдоль косяка пошла волной. Вера увидела, как от её края отпала старая крошка штукатурки.

Они поставили доски крестом, уперев в противоположную стену. Тео держал нижнюю, Вера помогала верхней не съехать. Адриан подбил под неё клин. Рама скрипнула и замерла. За дверью шелестели листья.

— В нижнюю галерею, — сказал он. — Здесь останутся Матильда и Тео. Без моего слова не открывайте. Вера, возьмите фонарь.

Она пошла за ним, не задавая вопроса, почему именно ей. На ступеньках фонарь бил по колену. Внизу пахло железом, влажной стеной и дровяной пылью. Из узкого верхнего оконца падала серая полоса дня. Вместе со светом фонаря она шла вдоль галереи, где на восьми стержнях висели чёрные грузы. Каждый был величиной с небольшую дорожную сумку. На боках белели затёртые метки.

Адриан остановился у входа. Ян прошёл прямо к третьему стержню, потрогал пальцем метку на стене и сказал:

— Всё на месте.

Вера сосчитала. Восемь. Два дальше висели в полутени, но все были видны. Под ними тянулась канавка, из которой уходил вниз холодный воздух. Через неё лежал настил с перилами. Там, где доски кончались, виднелась голая тёмная стена, и в ней — отражённый свет, слишком далёкий для подвала.

— Не наступайте на крайнюю доску, — сказал Адриан.

— Она крепкая, — ответил Ян. — Её меняли летом.

— Тем более я пока не знаю её.

Он достал отвес. Нить дрогнула, пошла к третьему грузу, остановилась. Адриан повторил замер, сдвинувшись на шаг. Вера держала фонарь выше. Рука начала затекать.

— Можно на крюк?

— Да. Только не на этот. Слева.

Она повесила фонарь и увидела лицо геометра. Он смотрел на край настила слишком неподвижно. Пальцы левой руки были вцеплены в перила. Правая держала отвес, но нить дрожала.

— Вам нужен свет с другой стороны?

— Нужен замер сверху.

Над грузами шла узкая железная площадка. К ней вела лесенка без одной ступени. Всего восемь ступеней, не выше театрального помоста. Однако под площадкой уходила канавка, глубину которой Вера не могла оценить. Адриан вдохнул, отпустил перила и снова взялся.

Ян уже поставил ногу на лесенку.

— Я сделаю.

— Нет. Вы не знаете, какую точку мерить.

— Скажете.

— Скажу Вере. У неё рука не на соединении.

Он повернулся к ней.

— Вы работаете на высоте?

— На мостках сцены. Но однажды упала со стула, когда меняла занавеску. Не люблю, когда мебель считает себя лестницей.

Он улыбнулся, почти против воли.

— Нужна страховка. На стенной скобе, выше площадки. Видите кольцо?

Вера видела. Она попросила Яна принести верёвку. Пока его не было, Адриан проверил лесенку, поставил новую доску на пустую ступень и сам затянул узлы. Вера не спешила. Слишком часто в театре её звали сделать «всего два мазка» над пустой оркестровой ямой и забывали подать руку.

— Не из-за пальца, — сказал Адриан, заметив, что она смотрит на узел. — Из-за высоты. Иногда проходит.

— Можно ждать, когда пройдёт. Но я уже здесь.

Она встала на первую ступень. Верёвка тянула за пояс неприятно, но надёжно. Ян держал нижний конец лесенки, Адриан стоял сбоку и показывал направление. На площадке оказалось тесно; Вера села, уперев сапог в поперечину. Сверху грузы казались не такими большими.

— Вторая риска на третьем рычаге, — сказал он. — Не

трогайте рычаг. Только приложите линейку к неподвижной части.

Она сделала. Отсчёт получился не тот, которого он ждал. Он попросил повторить. Потом другую точку. Вера проверяла числа вслух, как делала в мастерской, когда помощница переносила размеры на холст.

— Здесь разница, — сказал Адриан. — Больше допустимой.

— От сырости, — предположил Ян.

— Металл не набирает столько от сырости.

— Дерево под ним набирает.

Это было правдоподобно. Адриан не спорил, записал оба предположения. Вера почувствовала в ногах лёгкий толчок. Не удар, скорее кто-то снизу приподнял площадку на ноготь. Она схватилась за кольцо.

— Стоять, — сказал Адриан. — Ноги не переставлять.

Она замерла. Внизу Ян поднял голову. На дальнем стержне медленно скользнула полоска света. Один груз чуть ушёл к стене и вернулся. Раздался тяжёлый звон. Вера увидела: седьмой рычаг начал принимать тягу раньше шестого.

Она описала это. Адриан попросил Яна встать у запорного колеса.

— На четверть оборота. Медленно. По моему слову.

— Так вы задержите оранжерею.

— И вернёте кладовую.

Ян взялся за колесо. Адриан считал. Вера следила за по-

лоской света и говорила, когда та касалась метки. Дважды колесо останавливали. Один раз Ян хотел пройти дальше, но Адриан поднял ладонь, и тот послушался.

Потом натяжение ушло. Под ногами стало тихо. Вера с удивлением заметила, что всё это время держала во рту конец собственной косы, выпавший из-за воротника. Выпустила и тихо выругала себя самым кротким словом, какое знала от матери.

Спуск оказался хуже подъёма. Не потому, что было опаснее: теперь хотелось побыстрее попасть на пол. Она пропустила вторую ступень, но верёвка натянулась и удержала пояс. Адриан подал руку. Вера встала на доску, почувствовала его пальцы у запястья и только тогда выдохнула.

— Все восемь висят, — сказала она, словно оправдываясь перед собственной дрожью.

— Висят, — согласился он. — Это не значит, что узел уравновешен.

Ян помог ей снять верёвку. Он был спокоен, только у виска выступила капля пота.

— Спасибо. Хозяин всегда говорил, что с хорошими мастерами нет причин бояться дома.

Вера посмотрела на Адриана. Он складывал инструменты и не поднял глаз.

В кухне дверь кладовой снова открывалась к мешкам. Тео проверил её палкой, потом поставил на пороге пустой горшок и отступил. Горшок стоял. Матильда взяла его и сказа-

ла, что испортить ещё одну посудину никому не позволит. Все засмеялись слишком громко.

За это время хлеб подошёл. Матильда принялась раскладывать тесто, будто собиралась удержать весь дом ровными ударами ладони. Вера вымыла руки. Вода оказалась горячей, и от неё особенно ясно стало, как она продрогла внизу.

Нора пришла из основной спальни. На лице её было то усталое спокойствие, которое появляется у людей после долгой работы в одиночестве. Она спросила, что случилось, и выслушала без крика.

— Раньше такое бывало?

— Меньше, — ответила Матильда. — Дверь иногда шла туго. Но мука ещё никогда не росла на дереве.

— Ян, мне нужны счета на ремонт, — сказала Нора. — Все. С тех пор как поставили последние комнаты.

— Их много.

— Я умею читать много.

Он обещал принести вечером. Нора осталась у печи, помогая резать овощи. Вера поняла, что это её способ не уходить туда, где лежал отец, и не стоять рядом с людьми без дела.

На столе у Матильды лежала корзинка с картофельными очистками. Вера задела её локтем, несколько шкурок упали на пол. Она присела собирать и обнаружила, что колени дрожат. Это рассердило её больше, чем сама лесенка. Наверху она держалась хорошо, а теперь простой пол не давал уве-

ренности.

Матильда подала ей стул.

— Сядь. Можно работать и сидя.

— Я уже ничего не делаю.

— Тогда тем более удобно.

Вера села. Кухарка поставила перед ней миску с двумя яблоками и дала маленький нож. Нужно было снять кожуру для пирога. Вера взялась за это с чрезмерным рвением, срезала слишком толстый слой и остановилась.

— Я половину яблока выбрасываю.

— Сегодня можно. Внизу вы мне вернули всю муку. Пусть мука заплатит за яблоко.

Ко второму плоду руки успокоились. Вера уже могла смотреть на тонкую ленточку кожуры и думать о её длине. Опасность не сделала её другим человеком. Она всё ещё резала криво, если спешила, и всё ещё боялась признаться, что ей нужно посидеть. Только теперь рядом был кто-то, кому не приходилось доказывать право на стул. Она доела маленький кусочек, оставшийся у сердцевины, и вернула нож ручкой вперёд.

Адриан позвал Веру в коридор. Там он показал ей блокнот: шесть пар цифр, два угла, метка на колесе.

— Вы хорошо держали точку. Без вашего описания мне пришлось бы лезть самому. Я бы полез. Но медленно.

— Я бы тоже не быстро рисовала мост с площадки. Можно не делать из этого счёт.

— Я благодарю. Это ещё не счёт.

Вера прикусила губу. Она всегда отвечала шуткой на слишком прямую доброту и не знала, почему теперь это её огорчило.

— Тогда пожалуйста. А что это было?

— Неравная передача тяги. Причин несколько: опора, крепёж, нагрузка. По виду грузов не скажешь. Их нельзя снимать, пока остальные держат три участка. Завтра устрою проверку.

— А сегодня?

— Сегодня не трогать лишних дверей и читать документы. Это скучнее лесенки, но безопаснее.

Он сел на ступеньку у стены. Теперь, когда никто не ждал от него решения, лицо побледнело сильнее. Вера присела рядом, оставив между ними место для портфеля.

— Восемь месяцев назад я упал в мастерской, — сказал он после паузы. — С невысокого помоста. Мне объяснили, что бояться такой высоты смешно. После этого бояться легче не стало.

— Кто объяснил?

— Один весьма здоровый человек.

— У нас тенор говорит, что сцены боятся только те, кто плохо выучил роль. Перед каждым выходом его тошнит за кулисой.

Адриан тихо рассмеялся, затем прикрыл глаза. Она не стала продолжать. В холле стукнула главная дверь: кто-то при-

шёл с улицы, с сапог осыпался снег. Оттуда донёсся низкий мужской голос, спросивший госпожу Вальден.

Адриан поднялся.

— Констебль. Хорошо, что он пришёл до темноты.

Вера посмотрела на свои руки. Под ногтями оставалась чёрная пыль с железного кольца. Она пошла вымыть их ещё раз, прежде чем говорить о том, что увидела в северной спальне.

У рукомойника стоял Тео. Он держал под струёй палец, который прищемил доской, и делал вид, что просто долго моет руки.

— Цел? — спросила Вера.

— Совершенно. Только несколько меньше, чем был.

Она подвинула ему чистую тряпку. Он обмотал палец и посмотрел на её рукав с жирным пятном.

— Матильда пометила вас как свою.

— Я думала, это суп.

— Тоже способ.

Из холла звали Нору. Тео не спешил идти. Он прислонился к столу, трогая большим пальцем грубый край повязки.

— Вы сами вязали узлы? — спросила Вера.

— На сцене научился. Поднимал облака, открывал море. Раз уронил луну на дирижёра. После этого меня перестали пускать к небесным телам.

— Вы работали в театре?

— Полсезона. Дядя сказал, что это унижительное дело для

Вальдена. Потом взял меня сюда к своим чудесам. Здесь я носил ему болты. От болтов, видимо, родовая честь крепче.

— Почему ушли?

Он посмотрел на дверь.

— Потому что я плохо считаю деньги. Механические декорации стоят дорого. Люди, которые дают в долг, прекрасно знают это ещё до премьеры.

Вера вытерла руки и повесила полотенце. Тео говорил легко, но глазами следил за ней. Он проверял, станет ли она жалеть, смеяться или спросит о расписке. Вера не сделала ни того, ни другого.

— Облако я однажды пришила к занавесу, — сказала она.

— Не хватило времени поставить отдельную тягу. Пришлось всему второму действию быть пасмурным.

Тео улыбнулся с настоящим удовольствием.

— Это разумно. Луну надо было тоже пришить.

Он собрал тряпки, отнёс к печи и помог Матильде переставить котёл. Рука у него оказалась сильной, движения точными. Вера подумала, что его беспечность могла быть работой, на которую он тратил больше сил, чем на болты.

Когда она вышла к холлу, Ян говорил констеблю, что небольшое смещение уже устранено. Адриан стоял рядом и поправил одно слово:

— Приостановлено. Причина ещё не установлена.

— Это мешает похоронам? — спросил констебль.

— Нет. Основная спальня и главная лестница пока дер-

жаты в корпусе.

— Тогда начнём с того, зачем я приехал.

Вера остановилась на пороге. Ей не хотелось вмешиваться в чужое горе со своей доской, ковром и дурным светом. Но Адриан отодвинул стул, оставив место для неё. Она достала рисунок, положила на колени и стала ждать, пока её спросят.

Глава 6 Открытая дверь

Констебль Фальк принёс в дом снег и запах конюшни. Он снял шапку, но пальто оставил: то ли собирался скоро уйти, то ли не доверял теплу этого места. На сапоге была оторвана петля, обвязанная бечёвкой. Вера смотрела на неё, пока Ян искал свидетельство о смерти, и думала, что человеку с такой бечёвкой она скорее решится показать неровный рисунок, чем человеку с новыми перчатками.

Фальк сел у окна, положил на стол книжку с чёрной обложкой и выслушал Нору. Та говорила коротко. Её известили на другой день, она пришла вечером, отца застала уже подготовленным к прощанию. До этого они не виделись с осени. Фальк спросил, кто был при смерти. Ян ответил: он сам. Матильда спала в другом крыле. Тео приехал позже. Инга — вчера. Адриан — сегодня утром, Вера — к полудню.

— Боль началась ночью? — спросил Фальк.

— Он позвал меня около полуночи. Сказал, что тяжело дышать. Я послал за доктором.

— Кто ездил?

— Конюший. Сейчас он в городе, но его адрес у меня есть.

Ян положил свидетельство перед констеблем. Тот прочёл, перевернул лист, посмотрел на просвет. Печать была смазана по краю. Дату написали двумя чернилами: день светлее месяца. Фальк водил пальцем по строчкам, не касаясь бумаги.

— Доктор осмотрел его уже после смерти?

— Да. До рассвета.

— Здесь написано только «острая сердечная слабость».

Он вёл больного раньше?

— Эмиль редко допускал врачей. Жаловался мне, но в город не ехал.

— Значит, это заключение по осмотру, без истории болезни.

Ян не возразил. Нора сидела очень прямо. Фальк записал адрес доктора и объяснил, что пришлёт запрос. Если тот не наблюдал Вальдена, следует уточнить основание записи. Само по себе это ещё не означало подлога. Врач мог торопиться, мог положиться на слова управляющего, мог верно назвать причину, выбрав слишком общие слова. Вера слушала и понемногу переставала ждать мгновенного решения. У этого человека работа состояла из вопросов, на которые нужно было потом получить ответы.

Она подняла свой лист.

— Можно показать, что меня смутило?

Фальк повернулся всем корпусом. Вера рассказала о спальне, отсутствующей на полученном ею плане. О ковре, лежащем иначе, чем на рисунке. О свежем покрытии пола. Она сразу сказала, что не знает, когда его нанесли, и не может сказать, что было под ним. Фальк попросил повторить это, записал, затем спросил, откуда взят рисунок. Она показала копию и объяснила про зелёный альбом.

— Вы были знакомы с хозяином?

— Нет. Он видел мою работу в театре. Потом написал.

— Зачем вы пошли в эту комнату?

Вера почувствовала неприятное желание оправдаться.

Вместо этого ответила:

— Она была нарисована рядом с заказом. Я хочу понять, как он строил перспективу.

Адриан добавил, что северный узел исключили из первоначальной проверки, хотя он связан с остальными опорами. Фальк попросил показать обе спальни. Нора встала, Ян взял фонарь. Вера осталась на стуле. Ей не хотелось идти смотреть на тело лишь потому, что она уже оказалась участницей разговора. Когда Адриан оглянулся, она сказала, что подождёт здесь. Он кивнул, и вся группа ушла.

В кабинете было слышно, как потрескивает фитиль. Тео сидел у камина и разглаживал повязку на пальце. Он хотел что-то спросить, но Вера сама не знала, что ответит. Через несколько минут он встал и занялся фонографом: подвинул трубу, проверил пружину, убрал с иглы пыль мягкой кистью. Делал это без показной ловкости. Вера посмотрела, как он держит тонкий стержень над воском.

— Вы можете повредить запись?

— Очень легко. Потому и не даю Яну чистить. Он трёт всё так, будто это дверная ручка.

— Первая у меня ещё будет нужна.

— Тогда пусть лежит в коробке, в прохладе. И не носите

под пальто у печи. Воск терпелив, но не настолько.

Он снял цилиндр и вернул на место. Вера провела ногтем по этикетке. Буквы были ровными, чернила впитались в бумагу без ореола. Здесь не было живого голоса, способного ответить. Но была точная вещь, которую можно сохранить и дать другому услышать.

Когда вернулись остальные, Фальк попросил всех сесть. Он не стал говорить, что ничего нет. Вместо этого перечислил, что есть: сомнение в записи врача, разница между планом и рисунком, следы работ в комнате, где хозяин бывал, но где его официально не нашли. Причин связывать эти вещи пока недостаточно. Доски могли чинить, мебель переставлять, план устареть. Если есть прямые сведения о происшествии, их надо назвать сейчас.

Матильда покачала головой.

— Я видела хозяина вечером. Он ел мало, но спорил много. Ночью меня позвал Ян, сказал, всё кончилось. Я принесла чистое бельё. Дальше было слишком много дела, чтобы замечать пол.

Нора закрыла глаза. Тео смотрел на камин. Ян держал свидетельство за два угла.

— Значит, похороны допустимы? — спросил он.

Фальк медленно убрал карандаш.

— Сейчас у меня нет основания запретить их. Но я фиксирую ваши слова, и документы прошу не уничтожать. Описание комнаты останется у меня. Госпожа Лесс, сможете сде-

лать копию снимка, когда проявите?

Инга согласилась. Она объяснила, что пластинку нужно будет обработать, затем напечатать изображение; обещать готовый лист к утру нельзя. Констебль ответил, что лучше получить его позже, чем получить поспешный брак. Вера заметила, как на лице оценщицы смягчилось выражение. Ей явно не часто давали время сделать свою работу нормально.

Фальк попросил у неё адреса помощниц и театра, чтобы при нужде проверить письмо и договор. Вера сначала смутилась: казалось, он полез в её собственную несостоятельность, в зарплату, которой она не сумела добиться. Потом поняла, что он задаёт те же вопросы каждому. Знакомство с покойным, время приезда, причина остаться. Нельзя требовать честного расследования и сердиться, когда проверяют тебя.

Она написала всё разборчиво. Отдельно указала, где можно найти директора труппы, если тот опять сменит квартиру. Фальк прочёл приписку и спросил, не относится ли она к другому делу. Вера сказала, что относится, но сегодня ей не хватит духу рассказывать ещё и это.

— Тогда оставьте на полях, — ответил он. — Поля для этого и существуют.

Она оставила. Самый неприятный разговор за неделю оказался на удивление полезным: долг театра теперь был записан ещё где-то, кроме её писем. Когда она передавала лист, руки уже не хотелось спрятать. Констебль убрал бумагу к

свидетельству о смерти, но разделил их чистой страницей. У каждой истории должно было быть своё место, даже если они встретились за одним столом.

Ян спросил, не будет ли присутствие констебля на похоронах выглядеть подозрительно. Фальк посмотрел на него поверх книжки.

— Я знал Эмиля двадцать лет. Моё отсутствие выглядело бы страннее.

Нора вдруг рассмеялась коротким, сухим смехом и прикрыла рот. Потом сказала:

— Он бы всё равно нашёл повод вас отчитать.

— Уже находил. За скрипучий экипаж. У него гостям приходилось слышать чужие колёса.

На этом общий разговор кончился. Ян пошёл с Фальком к двери, но Нора задержала констебля у вешалки. Вера стояла рядом, собирая листы, и слышала, как та спрашивает о заверенной копии завещания. Нотариус должен был прислать пакет утром через день. Фальк согласился зайти на четвёртое утро, если бумаги доставят. Он хотел забрать фотографии и ещё раз поговорить о северной комнате. Нора сказала, что после похорон останется до сверки: не хочет, чтобы отчёт о её доле подписали без неё. Она обещала вечером третьего дня передать короткую записку, пришёл ли пакет. Если вестей не будет, Фальк заглянет до назначенного времени: ночной обход всё равно проходил по нижней дороге.

— Остальные тоже здесь? — уточнил он.

— До окончания проверки, — ответил Адриан. — Я не обещаю завершить её за завтра.

Фальк записал. Потом посмотрел на Веру:

— А вы?

Она могла сказать, что всего лишь художница. Могла указать на портфель и напомнить, что договор связан с одним окном. В холле за её спиной глухо звякнула скоба, и она вспомнила холодный овальный след на полу.

— Пока остаюсь. Если уеду, оставляю адрес в городе.

Констебль открыл главную дверь. На крыльцо вошёл белый воздух, пахнувший снегом и дымом. За ступенями виднелась дорога, обычная, с тёмной полосой от полозьев. Фальк спустился, обернулся и велел не проверять опасные места ради любопытства. Затем пошёл к экипажу. Вера смотрела, как он ступает по снегу, и ни один порог не мешает ему уйти.

Ян придерживал дверь.

— Могу вызвать вам извозчика. Если вы передумали.

Она поняла, что он говорит серьёзно. Никакой угрозы не прозвучало. Он даже не попытался напомнить об авансе. Именно поэтому ей пришлось сделать выбор самой.

— Я обещала закончить окно.

— Остаток получите по акту. Питание за домом, как в письме.

— А если я найду, что работа опасна?

— Вы вправе отказаться от опасной части. Я не требую

нарушать договор.

Это было так разумно, что Вера почти рассердилась на собственное сомнение. Она вернулась к столу, перечитала письмо Вальдена и посчитала деньги ещё раз. На дорогу домой хватало. На оплату помощниц — тоже, если не покупать сейчас зимнее пальто. Но оставшиеся сто марок дали бы ей два месяца без унижительных мелких поручений. Она смогла бы отправить в Лайр эскиз, который всё откладывала, потому что нужно было срочно писать чужие гербы на театральных ложах.

Адриан вошёл за линейкой. Вера не стала закрывать деньги ладонью.

— Я остаюсь из-за оплаты, — сказала она.

— Хорошая причина.

— И потому, что мне интересно.

— Опасная причина.

— У вас те же?

— У меня ещё дурная привычка хотеть закончить проверку, если начал.

Он убрал линейку в чехол. Вера спросила, почему он ушёл от Вальдена. Адриан помедлил, глядя на пустую коробку цилиндра.

— Он мог не показать мне исправление, а потом требовать, чтобы я подтвердил весь узел своей подписью. Я однажды отказался. Дальше мы долго говорили о верности. После этого я открыл отдельную практику.

— Он вам задолжал?

— Деньги отдал. Это было бы проще.

Вера подумала о собственных «непреренно», о письме Элле и о Норинем совете. Люди охотно называли верностью чужую готовность делать их дело за свой счёт. Но произнести это вслух ей показалось слишком гладким. Она просто спросила:

— А теперь вы подпишете?

— То, что проверю. Остальное — нет.

Вера сложила монеты в кошель. С этого ответа хотелось начать свою завтрашнюю работу, хотя пока она умела лишь записать его на отдельном листе.

Матильда позвала её помочь с тканью для гроба. Просьба была такой будничной, что Вера согласилась раньше, чем поняла, куда придётся идти. Но кухарка привела её в бельевую, а не в спальню. На широком столе лежали две простыни и тёмное покрывало. Нужно было подшить край: старый шов распустился, и бахрома торчала белыми нитями.

— Знаю, у тебя работа дороже, — сказала Матильда. — Но у меня хлеб на подходе, а Нора сейчас не станет ровно шить.

— Я могу. В театре художники ещё и штопают.

— Вот видишь. А я раньше пела, теперь считаю муку. Все с лишним ремеслом.

Вера села у стола, продела нитку и свернула край. Игла была толстая, ткань плотная. Пришлось надеть напёрсток,

слишком широкий на её палец. Матильда ушла к печи. В бельевой осталась Нора. Она перебирала белые полотна, проверяя метки на углах. На одном была вышита буква, неровная, детская. Она положила его отдельно.

— Я сама это шила, — сказала она. — Мать учила. Отец велел не тратить глаза на такую мелочь. Он хотел, чтобы я разбирала чертежи. Когда я разбирала чертежи, он говорил, что я ещё слишком мала, чтобы спорить.

Вера продолжала шить. Ей хотелось спросить, зачем Нора вернулась, если ей было так тяжело. Вместо этого она подвинула стул, чтобы та могла сесть.

Нора не села. Подошла к узкому зеркалу, поправила воротник, потом вдруг стала вытаскивать шпильку. Вера увидела, что одна прядь была туго защемлена и тянула кожу.

— Дайте, — сказала она.

Нора послушно повернулась. Вера освободила прядь и заколола волосы заново. Без слов это было проще. Чужое горе не требовало от неё хорошей реплики. Ему понадобились две шпильки и рука, которая не дёргает.

— Я не знаю, как вести себя завтра, — сказала Нора. — Если не плакать, все подумают, что радуюсь. Если плакать, получится, будто я простила ему всё за один вечер.

— Кто будет смотреть?

— Я сама.

Вера вернулась к шву.

— Тогда можно решить завтра. Я обычно узнаю, как буду

вести себя, уже после того, как повела.

Нора тихо засмеялась и наконец села. Несколько минут они работали рядом: одна шила, другая подрезала выбившиеся нитки маленькими ножницами. Вера рассказала о матери, которая любит поправлять чужие подолы даже на улице. Нора — о работнице прачечной, умеющей по одному воротнику определить, где человек провёл вечер. Ничего об отце. Когда край был готов, они вместе свернули покрывало.

У самого нижнего полотна Вера заметила серый прямоугольный отпечаток. Как от холодного камня на сырой ткани. Нора быстро закрыла его другим краем.

— Это старое. Пойдёт под низ.

Вера не стала всматриваться. Она пришла помочь со швом, и ей казалось жестоким превращать каждую простыню в вопрос. Только позже, вернувшись к своим краскам, она вспомнила, как ровно лежала пыль на северном полу, и подумала, что у старых вещей бывают новые следы. Эту мысль она не записала. Ей пока было нечего сказать, кроме того, что увидела серое на белом.

Глава 7 Хозяйственное распоряжение

К вечеру Вера узнала, что дом тратит на тряпки больше, чем театр на паруса. Это открытие началось с просьбы о чистой ветоши для стекла. Матильда выложила перед ней пять свёртков, велела не брать пятый, потому что тот идёт на лампы, затем раскрыла книгу и провела пальцем по расходам. В каждой строке стояли не только сумма и товар, но и тот, кто унёс его со склада.

— Иначе один человек берёт тряпку, второй ещё одну, а третий говорит, что тут всегда берут сколько хотят. К концу недели полотенца висят на железе, а я вытираю стол передником.

Вера узнала свои мастерские. Она попросила самый дешёвый свёрток и расписалась в книге. На соседнем листе были расходы за последние дни: свечи, войлок, чистое бельё, масло, два воза угля. Против одной строки — «грунт, серый, для сев. пола» — дата была замазана. Матильда перехватила её взгляд.

— Пролила воду. Не загадка.

— Когда грунт брали?

— Ян забирал. Может, за неделю до смерти хозяина. Может, раньше. Я не всякий раз записываю в тот же час. На закваску отвлеклась, а к вечеру забываю, что было утром. Поэтому и держу здесь клочки.

Она показала булавку, на которую были нанизаны записки. Вера не могла отличить дату заказа от даты выдачи и не стала притворяться, что может. Но попросила сохранить ключки. Матильда посмотрела на неё, потом сняла их все вместе и положила в пустую банку.

— Это из-за констебля?

— Из-за того, что потом мне понадобится знать, чем покрыт пол.

— Вот так и скажи ему, если спросит. А то у нас всё хотят чинить со слов.

Тео сушил у печи свой рукав. Он принес две коробки с цилиндрами, найденные в верхнем шкафу. Одна была пустая. В другой лежал цилиндр с бумажной лентой: «Хозяйство. Варосу». Тео тронул воск, наклонил к свету, поморщился.

— У него трещина? — спросила Вера.

— Край затёрт. Дядя сам брал не за те места. Послушаем, пока не стало хуже.

— В кабинете, — сказала Матильда. — Крошки на столе для воска не полезны.

Они пошли втроём. Ян сидел за столом с раскрытыми бумагами. При виде коробки он поднялся и сразу освободил место у прибора. Вера отметила готовность, но не нашла в ней ничего необычного: запись была адресована ему. Тео завёл пружину, очень осторожно поставил иглу. Матильда осталась у двери. Её руки были заняты полотенцем, которое она всё складывала пополам.

Голос Вальдена зашипел в трубе.

«Варос. По хозяйству. До зимней сверки все расходы вести отдельно. Не передавать ключей без записи. Мастерам предоставить всё необходимое. Дом...»

Раздался мягкий стук. После него голос пошёл чуть выше.

«...сохранять в нынешнем составе. До принятия решения никаких отдельных действий с участками. Отчёт представить мне».

Тео поднял иглу. Вера ждала продолжения, но цилиндр кончился. Ян закрыл папку.

— Вот распоряжение. Я не мешаю проверке. Я не могу допустить, чтобы каждый исправлял свою часть без общего плана.

— Это разумно, — сказала Вера. — Он записал до того, как позвал меня?

— Точной даты на коробке нет.

Матильда подняла голову.

— А он тут не кашлянул?

— Вы слышали, — ответил Ян. — На таких записях много шумов.

— Мне показалось, слово съехало. Как когда певец догоняет музыку после вдоха.

Тео вернул цилиндр на ладонь, осмотрел край. В жёлтом воске шла тонкая черта. Он сказал, что на стыке могла быть трещина, которую заполнили при починке. Саму дорожку нужно смотреть при хорошем свете. Сейчас же не стоит го-

нять иглу по одному месту: от этого оно станет ещё хуже.

— Я утром посмотрю, — сказал он.

Ян попросил оставить коробку в кабинете. Распоряжение касалось хозяйства, и до выяснения состояния носить его по дому не следовало. Тео с лёгкостью согласился. Вера почувствовала досаду, но не могла назвать причину. Она сама только что просила беречь первую запись.

Матильда вернулась на кухню. Тео ушёл за лупой. Вера осталась у стола с ветошью под мышкой. Ян заметил её взгляд на бумагах.

— Садитесь. Вы имеете право знать, в каком доме работаете.

Он повернул к ней лист оценки. Сумма внизу была так велика, что Вера сначала приняла две последние цифры за дробь. Ян пояснил: большая часть цены приходилась на исключительное пользование схемой переходов. Земля и обстановка стоили меньше. Покупатель не хотел содержать музей Вальдена. Он намеревался перенести некоторые узлы в другой дом и использовать их для частных поездок.

— Это возможно?

— При правильном расчёте. В этом и ценность. Он платит за готовое решение, за годы проб.

— А сами комнаты? Их тоже повезут?

— Они остаются на местах. Меняется доступ. Как если купить мост, а не реку.

Вера посмотрела на окна, на тёмные грани стола. Дом, ко-

торый поразил её утром, вдруг стал складом деталей. Человек мог купить чужой путь к горному воздуху и распорядиться, чтобы другие шли туда по дороге. Это было законно, как покупка театра, после которой актёры перестают входить со двора.

Ян показал второй лист. В нём значилась его доля от будущей сделки и возмещение накопленных расходов. Он не прятал цифр.

— Вам кажется, я наживаюсь на смерти? — спросил он.

Вера поняла, что ей предлагают либо оправдать, либо обвинить. Она выбрала точность.

— Я не знаю ваших расчётов.

— Двадцать лет я нанимал людей, искал топливо, договаривался с соседями. Эмиль менял замысел и считал, что остальное устроится. Оно устраивалось. За это тоже полагается плата.

— Разумеется.

— Но если участки разойдутся по разным владельцам, готовая схема перестанет иметь цену. Ни один покупатель не станет платить за право каждый раз спрашивать три разрешения.

Он сказал это с усталостью, и Вера неожиданно увидела в нём человека, которому знаком тот же недобрый счёт: сколько труда уйдёт в прошлое, если начальник передумает в последнюю минуту. Она сама два дня писала лестницу для сцены, а утром режиссёр захотел вместо неё пустую стену. Но

лестница стояла восемь марок. Здесь за поворотом мысли хозяина лежала чья-то жизнь в двадцать лет.

— Нора хочет разделить?

— Она ещё не решила, чего хочет. Не следует говорить за неё.

Он мягко вернул её же правило. Вера кивнула. На нижнем краю листа был штамп конторы займов. Она знала такой: театр закладывал там будущие сборы. Рядом с долей Яна была рукописная помета о погашении. Управляющий перевернул бумагу, прежде чем она успела разобрать дату.

— Я покажу это оценщице целиком, — сказал он. — Вам достаточно знать: деньги на ваш заказ не зависят от продажи. Они уже выделены. Я не прошу вас подписывать ничего лишнего.

Из коридора донёсся голос Норы. Она требовала счета на уголь, которые Ян обещал ещё днём. Он собрал папку, но лист о своей доле оставил отдельно, под стеклянным грузом. Вера помогла подхватить выпавший конверт. На нём не было марки, только надпись: «К рассвету. Лично». Она вернула его без вопроса. В доме, готовившемся к свертке, почти любая записка могла быть адресована к рассвету.

После его ухода Вера вернулась к фонографу. Коробка со вторым цилиндром стояла на полке у запертого бюро. На столе лежала лупа Тео, но его самого ещё не было. Она не взяла коробку. Вместо этого достала первую запись и сравнила бумагу этикеток. Та же рука, похожие чернила. Разные лю-

ди могли наклеить этикетку на починенный воск, и ни одна красивая догадка не заменила бы проверки.

Вошла Инга с тёмной шалью на плечах. Ей удалось устроить место для пластинок в чулане, но вода там быстро остывала. Она шла за лампой и раздражённо говорила сама с собой. Увидев Веру, остановилась.

— Вы тоже потеряли свет?

— Скорее порядок.

Они вместе подняли коробки со стула. Инга увидела предварительную оценку, оставленную под грузом, и нахмурилась.

— Это не окончательная цифра. Он уже показывал её?

Вера рассказала о разговоре. Инга попросила повторить фразу об исключительном пользовании схемой. Затем сняла с листа номер и записала его у себя.

— У меня другая оговорка к этой сумме. Покупатель должен получить права на документацию. Пока не доказано, что их вообще можно передать в полном объёме.

— Завещание?

— И распоряжения собственника. Я не юрист. Но я умею читать, когда к цене пришта тонкая нитка.

Она не стала обсуждать Яна, лишь вернула лист точно туда, где он лежал. Потом попросила Веру помочь перенести таз с тёплой водой. Вместе они донесли его до чулана. Инга закрыла дверь и предупредила, что некоторое время не сможет отвечать. За стеной послышался плеск. Никакого чуда,

проявляющего истину на воздухе: нужна была темнота, посуда и работа, за которую ни один богатый дом не хотел платить отдельно.

Вера вернулась на кухню за ужином для Адриана. Он всё ещё сидел у окна павильона. Матильда положила на поднос хлеб и горячую похлёбку, потом остановила её.

— Ты не обязана кормить геометра.

— Я иду туда работать.

— Тогда и себе положи. У нас в хоре одна певица всегда говорила, что голодна только её соседка. Соседка потом толстела, а она падала на репетиции.

Вера добавила вторую тарелку. Матильда удовлетворённо кивнула и вернулась к счётной книге. В банке у лампы торчали сохранённые записки о грунте.

— Вы слышали что-нибудь ещё в той записи? — спросила Вера.

Кухарка не ответила сразу. Подвинула банку от жара, закрыла книгу.

— Слышала, как он дышит. Всю жизнь слушаю, как люди берут воздух. Там перед словом «сохранять» он будто уже выдохнул, а слово всё же пошло. Может, прибор. Может, я устала. Не буду тебе врать.

Вера подняла поднос. За дверью громко засмеялся Тео, отвечая на какую-то сухую реплику Норы. Дом начинал обычный вечер, и в нём можно было почти забыть о северном холоде. Она пошла к работающему окну, считая сту-

пеньки и стараясь не пролить обе тарелки сразу.

На повороте она встретила Нору с кипой счетов. Верхний лист сполз прямо в похлёбку. Вера отступила, но край бумаги всё же намок. Нора выхватила его, посмотрела на бугорное пятно и так выразительно вздохнула, что обе невольно засмеялись.

— Это оплата за соль, — сказала Нора. — Теперь хотя бы ясно, где она.

Они поставили поднос на подоконник. Нора разложила листы, промокая мокрый край своим платком. Вера предложила ветошь, но та отказалась: на ней мог остаться лак. Ей и это было знакомо. В прачечной нельзя вытереть чистое чем попало, даже когда всё вокруг спешит.

— Ян прав насчёт продажи, — сказала Нора вдруг.

Вера не ответила. Не знала, должна ли согласиться или ждать продолжения.

— Я не потяну этот дом. Тео тем более. Если начать содержать его из прибыли прачечной, к весне у меня не будет ни дома, ни прачечной. Но отец приучил меня ждать: вот сейчас он назовёт условие, и окажется, что цена помощи — я сама.

Она вынула из пачки маленький листок. На нём стояла давняя сумма — втрое меньше той, которую Вера получила сегодня.

— Когда я начинала, он предложил дать мне на котёл. Если буду приезжать каждое воскресенье. Потом добавил: суб-

боту тоже, потому что воскресенье занято работой. Я отказалась. Ян считает, что я гордая.

— А вы?

— Я просто не хотела сдавать выходные вперёд на всю жизнь.

Вера посмотрела на своё блюдо. Она знала, что легко пообещала бы воскресенья, а потом искала бы способ не приехать, болела бы от каждой поездки и злилась на человека, которому сама дала право ждать. Норина прямога казалась грубой лишь до тех пор, пока не приходилось считать цену собственной любезности.

— Мне сегодня дали два адреса в Лайре, — сказала Вера.

— Я ещё ничего не получила, а уже думаю, кому что обещать на дорогу.

— Сначала спросите, сколько там платят.

— Это так скучно звучит.

— Зато ответ бывает занимательный.

Нора убрала счета. Соль высохла волнистым пятном. Прежде чем уйти, она взяла с подноса один ломоть хлеба и спросила, можно ли. Вера кивнула. Через несколько шагов Нора вернулась и положила рядом маленькую грушу из своего кармана.

— Из города. Тут одни сушёные. Только господину Керну не говорите, что я хожу с плодами на случай обмена.

— Он архитектор. Он оценит запас.

Вера пошла дальше уже медленнее. Поднос стал легче на

ломоть и тяжелее на грушу, а разговор почему-то лишил её желания оправдываться за деньги, которых она честно ждала.

Глава 8 Четыре точки

Адриан нашёл место для обеих тарелок, не убрав ни одной нужной вещи. Он сдвинул деревянный брусок, поставил на него чертёж, прижал углы линейкой и сел на низкий ящик. Вера заняла скамью у стола. Рядом сохла проба на стекле. За настоящим окном лес уже почернел, но его верхний край ещё держал бледную полосу неба.

— Нора прислала грушу, — сказала Вера.

— Мне или вам?

— Нам. Но это следует принять как запас крепёжного материала.

Он посмотрел на маленький плод и очень серьёзно кивнул.

— Неправильная форма. Придётся съесть.

Он разрезал грушу на четыре части. Нож был складной, с поцарапанной деревянной ручкой. Две лучшие четвертинки он подвинул Вере. Она вернула одну и забрала ту, на которой осталось пятно. Он заметил, но не стал повторять обмен. Ей понравилось, что для него забота не была соревнованием.

Они ели молча. Вера только сейчас поняла, как проголодалась. За день она успела испугаться двери, замёрзнуть, лезть по лесенке и говорить с констеблем, а в памяти всё это было похоже на одно длинное ожидание. Горячая похлёбка разъединила события. Теперь у каждого появился свой час,

свой вкус и своя причина.

Когда посуда опустела, Адриан отнёс её за дверь, а Вера поднесла пробное стекло к раме. Старый слой она сняла лишь на узкой полоске. Новая линия лежала точнее, но краска ещё была слишком яркой для сумерек. Если сейчас судить по ней, можно испортить дневное положение. Она закрыла половину пробы белым листом и стала смотреть попеременно на стекло и на вид за ним.

— Мне нужен постоянный свет из комнаты, — сказала она. — Не в окно. Чуть выше.

Адриан поднял лампу. Тень его руки легла на дерево. Вера покачала головой, показала, куда встать. Он переставил лампу на полку и отошёл. Теперь блик с нижнего ребра исчез. Она дала ему нить и попросила натянуть между двумя метками, которые поставила днём.

— Держите так. Я попробую на глаз. Потом вы измерите.

— А если не сойдётся?

— Тогда я постараюсь не говорить, что у вас неверный метр.

Он улыбнулся. Она провела первую линию, отступила, присела, выпрямилась. Скамья скрипнула под ней. Адриан хотел придержать край, но она показала на ножку: та стояла в канавке пола. Он молча подложил тонкий клин. Вера снова поднялась. Теперь они уже знали достаточно о работе друг друга, чтобы не объяснять каждое движение.

За окном чёрная балюстрада совпала с нарисованным

ребром. Вера не стала радоваться сразу. Закрыла один глаз, потом другой. Сдвинулась к краю комнаты. На два шага вправо линии расходились, как и должны были: любая точка зрения имеет своё место. Но у рабочего знака на полу, где находился зритель, камень был цельным.

— Смотрите.

Адриан встал на знак. Некоторое время смотрел молча. Затем приложил отвес к накладке и проверил просевшую опору. Новая прокладка держала ровно. Он записал размер и повернул запорный винт на четверть.

Треск получился такой слабый, будто лопнула сухая нитка. Сквозняк под створкой сменился ровным холодом. Вера протянула ладонь, остановив её у самой щели. Воздух шёл оттуда; окно по-прежнему открывалось на настоящий павильон. Они не создали ни гор, ни ночи. Просто заставили два края держаться вместе без ложного смещения.

Она засмеялась с облегчением.

— А теперь вы скажете, что всё сделал кусок дерева под планкой.

— Он многое сделал. Но его никто не собирается просить расписаться в акте.

— Напрасно. Дерево не спорит с заказчиком.

— Пока не поведёт от сырости.

Они прикрутили внутреннюю раму. Вера подписала на обороте пробы дату и состав смеси, оставив отдельную пометку, что окончательное принятие возможно при дневном

свете. Адриан проверил дверь в сам павильон и оставил её под скобой. На рисунке комната казалась тёплой, но стоит открыть лишнюю щель — и столбик воды в стакане замёрз бы за ночь.

Потом работа кончилась. Не весь заказ, даже не всё окно, но дело этого вечера. Вера не сразу нашла, куда деть руки. Она вымыла кисть в маленькой банке, завернула её в тряпку и вдруг почувствовала, что устала настолько, что ещё час могла бы бестолково исправлять уже хорошую линию.

Адриан сидел на своём ящике и чистил лезвие ножа.

— Вы всегда хотите закончить сегодня? — спросил он.

— Если завтра кто-нибудь может передумать, то да.

— И часто передумывают?

— В театре это входит в работу. Только платят за новые мысли одному человеку, а переставляют стены другие.

Она рассказала про «Лодку», про долг труппе, про Эллу, которая умеет мешать серую краску так, что она не становится грязью. Про Марту, у которой смешной смех, зато она может за утро написать шестьдесят одинаковых кирпичей и не начать ненавидеть дом. Ей было приятно говорить о помощниках как о мастерах. Обычно о них спрашивали, только когда нужно было срочно найти дешёвые руки.

— Вы хотите вернуться туда? — спросил Адриан.

— Я хочу получить то, что мне должны. Вернуться — не знаю. В Лайре есть большая сцена. Там задник виден с галереи целиком, без трубы посередине. Я видела зал один раз.

Представляла, как сделала бы свет на воде. Уже третью зиму представляю.

— Подавали работы?

— Сначала не было денег на хорошую бумагу. Потом был сезон. Потом я решила, что ещё не готова. Если долго ждать, эти три причины отлично меняются местами.

Она смутилась собственной откровенности. Нужно было сказать что-то смешное, но Адриан не дал ей спешно закрыть разговор.

— У вас есть эскиз?

— Дома. Почти.

— Что значит «почти»?

— Написано всё, кроме того, на что будут смотреть.

Он кивнул, будто понял слишком хорошо.

— У меня мастерская в Бревене. Два окна во двор, одно на улицу. Я снял её на год. Ещё ни разу не работал за передним столом: всё время чужие выезды. Купил стул, на который хотел садиться по утрам. Теперь кладу на него чертежи.

— Вы хотите большой заказ?

— Небольшие. Сразу несколько. Лестницу, у которой виден каждый гвоздь. Крышу над мастерской, где хозяин платит за сухой пол. Окно без тайного хода. Может быть, школу, если найдётся человек, согласный показать мне все свои бумаги.

Она посмотрела на красивую сложную раму и поняла, что он не хвастается скромностью. Ему хотелось знать границы

своего дела. После дня в этом доме это было вполне взрослое желание.

— Значит, в Лайр не собираетесь?

— Нет. Там я уже работал. Слишком много людей, которые ищут имя, а не расчёт. В Бревене тоже хватает. Но там я могу дойти до реки пешком.

За окном зашумел ветер. Вера представила путь из Бревена в Лайр: два дня почтовой дорогой, расходы, холодные станции, обед, который приходится доедать на ходу. Это был простой разговор двух мастеров, ещё ни к чему не обязывавший. И всё же расстояние между их будущими вдруг получило длину. Ей стало жаль, хотя сожалеть пока было не о чем.

Адриан поднялся и начал закрывать баночки. Она показала, какие крышки нельзя закручивать плотно, пока не остыло. Их пальцы встретились на одной жестянке. Он отнял руку не резко. Вера закончила с крышкой, а потом ещё несколько секунд смотрела на своё запястье, будто там остался след краски.

— Я сегодня говорил с вами грубо, — сказал он.

— Про поднять человека?

— Да.

— Вы были неправы. Это не совсем то же, что грубо.

— Я был и тем и другим.

Вера взглянула на него. В театре извинение обычно занимало целую сцену, в которой следовало сначала признать,

как тяжело извиняющемуся. Здесь хватило двух фраз.

— Принято. Я тоже нарочно сказала про дешёвые ряды. Хотела вас уколоть.

— У вас получилось.

— Тогда и моя работа принята.

Они рассмеялись. За дверью послышалось тихое покашливание. Тео принёс коробку для стекла и сообщил, что Матильда велела всем прекратить труд до того, как у неё кончится терпение. Он задержался у рамы, восхищённо провёл взглядом по совмещённому камню.

— Дядя бился с этим месяц. Говорил, что окно вредничает.

— Кусок дерева просел, — сказал Адриан.

— Я так ему и говорил бы. Но он предпочитал окно.

Тео принёс ещё и первую запись: снял её с полки в кабинете, как просила Вера, и положил в деревянную укладку с мягким ложем. Она проверила этикетку. Именно тот цилиндр, с её именем. Вторую коробку Тео оставил у Яна. Сказал, что утром осмотрит шов, если сумеет выпросить кабинет без людей, которым нужны то печать, то счёт, то покойный голос.

Они погасили лишние лампы. Адриан проводил Веру только до западной лестницы и остановился там, где расходились коридоры. Она могла бы предложить чай у себя, но её комнату занимало море на полу, да и предложение оказалось бы слишком поспешным. Вместо этого она сказала:

— Утром проверим при свете. До похорон.

— Да. Я буду здесь к восьми.

Он не пожелал ей снов, не взял за руку. Просто подождал, пока она поднимется на верхнюю ступень, и ушёл в другую сторону. Вера задержалась у перил на миг дольше, чем следовало, затем отперла свою дверь.

В комнате пахло высыхающим картоном. Море было цело. Она поставила цилиндр на холодную полку у окна, вдали от печи, и записала время. Потом вынула письмо матери, оборот ещё оставался белым. Написала: «Заказ странный, но платят. Помощницам отправлю утром. Не волнуйся». Подумала и зачеркнула последнее. Мать всё равно будет волноваться, но, по крайней мере, ей не придётся считать это нарушением просьбы.

Вера вымыла лицо, погасила лампу и легла. Железная ставня почти не пропускала свет. Внизу закрывали двери, шуршала щётка, Матильда негромко напевала. Где-то в другой части дома Ян проверял замки. Ключи не звенели. Она знала о его шаге лишь по короткой паузе у каждой двери.

Через несколько минут она всё же встала и снова зажгла лампу. Сон можно было отложить ещё на четверть часа. В портфеле оставался лист хорошей бумаги, который она берегла для чужой срочной просьбы. Она положила его на стол, прижала чашкой и нарисовала край сцены в Лайре по памяти.

Зал она видела летом, с последнего ряда, за очень широ-

ким плечом соседа. На сцене шёл скучный спор о наследстве, но свет лежал на досках так, что актёры казались ближе, чем были. Вера тогда зарисовала лишь портал. Теперь попробовала восстановить вид снизу. На листе возникли лестница, вода, две узкие лодки. Сначала она дала им слишком большие борта. Стерла. Второй набросок вышел легче.

Это не был обещанный столице великий эскиз. Никто не ждал его к утру, никто не выделял на него ни марки. Она могла скомкать бумагу или отложить на год. Именно эта свобода почему-то пугала сильнее срочного заказа. У чужого окна были размеры и цена. У собственного замысла — только её желание.

Вера поставила над лодкой маленький фонарь. Подумала о том, как блеск от него мог бы перейти на лицо актёра, и написала сбоку: «Проверить ткань, тёплый свет снизу». Потом долго выбирала, оставить ли пустое небо. Хотелось заполнить его, чтобы работа казалась богаче. Она убрала карандаш. Пустота держала движение лодки лучше любой красивой тучи.

На соседнем листе она набросала низкий ящик, на котором сидел Адриан. Отдельно — руку над линейкой. Рисунок получился слишком узнаваемым. Вера закрыла его письмом. Через минуту открыла снова и дорисовала край рукава. Она никому не обязана была показывать эту страницу.

Охра на манжете оставила след на столе. Вера стёрла его влажной тряпкой и обвела ногтем едва заметную выбоину

в дереве. Здесь раньше тоже работали. Возможно, человек, которому не платили вовремя. Возможно, тот, кто сидел с чашкой и не мог решить, стоит ли отправлять свой рисунок. От этой простой мысли комната стала ещё немного своей.

Она убрала новый лист в портфель отдельно от заказа. На обороте написала адрес мастерской, названной Ингой. Теперь он был связан с вещью, которую можно отправить, а не только с надеждой на следующий сезон. После этого лампу удалось погасить с первого раза. Она вернулась под одеяло. Сон пришёл не сразу. Вера думала о северной комнате и о том, что утром на свежем воздухе всё, возможно, покажется менее важным. Потом вспомнила взгляд Адриана, когда он сказал о своём стуле. Почему-то именно пустой стул в маленькой мастерской не давал ей забыть, что после этой работы у каждого из них начнётся отдельная жизнь.

Глава 9 Дорога к кладбищу

Утром окно выдержало свет. Вера стояла на отметке, держала чашку с остывшим чаем и смотрела, как бледная балюстрада совмещается с тонкой линией на стекле. На краю пробы остался мазок, заметный вблизи. Она хотела стереть его, но Адриан остановил руку.

— Это край поля. В рабочей точке его не видно.

— Я всё равно знаю, что он есть.

— Тогда оставьте себе на память о пределах совершенства.

Он был выбрит, в чистой рубашке. Чёрный жилет делал его строже. Вера вдруг заметила, что на ней рабочее платье и охряный манжет. Она допила чай, приписала к пробе время проверки и пошла переодеваться. У дверей спальни её ждал Тео. Он держал чёрную ленту и никак не мог завязать её на рукаве так, чтобы узел не походил на детский бант.

— Облака получались лучше, — сказал он.

Вера помогла. Под его лёгкой шуткой чувствовалась бессонная ночь. Он спросил, нужно ли снять шляпу заранее или уже на кладбище. Вера сказала, что не знает местного обычая. Тео кивнул с таким облегчением, словно чужое незнание позволяло и ему не изображать опытного человека.

Внизу готовили гроб. Вера остановилась в холле и стала ждать, пока вынесут. Нора вышла из основной спальни с Ма-

тильдой. На руках у кухарки лежало сложенное бельё, поверх — старое покрывало, которое они подшивали вечером. Нора несла только одну белую простыню. Край свисал и волочился по полу; Вера подхватила его, не раздумывая.

— Спасибо. Я отнесу в бельевую, — сказала Нора.

— Давайте помогу.

В узкой комнате они разложили ткань на столе. На углу виднелась детская вышивка — та самая неровная буква, которую Нора показывала вчера. Ниже шёл серый след с короткой красной чертой. Вера узнала пятно, быстро закрытое другим краем. Сейчас его было видно целиком. Оно состояло не из одного прямоугольника, а из нескольких полос, как будто мокрую ткань прижимали к доскам и передвигали.

— Это с кровати? — спросила Вера.

Нора держала край, глядя в сторону двери.

— Матильда сняла в то утро. Я вчера нашла в мешке, пока выбирала чистое.

— Из основной спальни?

— Оттуда принесли. Но само бельё северное. Мы с матерью разметили его разными стежками. Для холодной комнаты брали плотное. Отец не любил, когда всё путали.

Вера провела взглядом по красной черте. Не тронула. На её рисунке была такая же отметка у ножки кровати. Красный плотницкий мел имел особый жирный край; на ткани он расплылся чуть иначе. Она не могла доказать, что это тот же мел. Просто таких совпадений стало на одно больше.

— Здесь раньше стирали пол? — спросила она.

Нора резко посмотрела на неё.

— Этой простынёй? Нет.

Вера сразу объяснила, что не обвиняет никого в небрежности. Холодная комната, сдвинутый ковёр, серое покрытие — она пытается понять, зачем северное бельё оказалось в основной спальне. Нора медленно отпустила край.

— Отец мог велеть принести. Ему нравились именно эти простыни. Но Матильда сказала, что они были сырые, когда она их сняла. Я думала, это от воды. Когда человек умирает, вокруг всё моют.

Из холла позвали. Нора сложила ткань, на этот раз пятном наружу, и положила на верхнюю полку.

— Не отдавать в стирку, — сказала она Матильде у дверей. — До вечера.

Та посмотрела на них обеих, кивнула и пошла за пальто. Никто не стал обсуждать это возле гроба. Вера была благодарна за молчание. Ей предстояло идти на похороны человека, о котором она знала больше по вещам, чем по лицу.

Главная дверь открылась на крыльцо. Снег был рыхлый, на краю ступеней его присыпали золой. Мужчины из города, нанятые для похорон, вынесли гроб и поставили на сани. Ян проверил ремни, дал вознице указания. Он выглядел усталым. Пальто было старое, но хорошо вычищенное; на рукаве осталась белая нитка. Вера сняла её, прежде чем успела подумать. Управляющий поблагодарил и открыл ей место в

экипаже.

Дорога шла между низкими оградами. Вдоль канав торчали прошлогодние стебли, над ними висел туман. Вера смотрела на колею и с каждым поворотом убеждалась, что усадьба стоит в настоящей местности, среди настоящих соседей. Мальчик у ворот махнул Тео, тот поднял руку и тут же смутился. На маленьком мосту пришлось подождать телегу с сеном. Возница похоронных саней попросил дорогу; хозяин телеги снял шапку и осадил коня, не задавая вопросов.

На кладбище уже был Фальк. Он стоял у ограды с двумя мужчинами из городской управы. Никаких торжественных стражей, только люди, знавшие покойного по долгам, заказам и старым спорам. У Норы дрожала перчатка. Вера хотела взять её под руку, но та сама сунула ладонь в сгиб локтя Матильды. Это было вернее.

Служба оказалась короткой. Священник говорил о труде и о том, что остаётся после человека. Вера смотрела на глину, на снег у края могилы, на чёрную ленту Тео. Оставалось многое: дом, письма, слишком холодная комната, чужая обида, заплаченный аванс. Она не могла соединить всё это в хорошую речь. Вероятно, поэтому речи и поручали людям, которым не нужно было разбирать счета.

Нора подошла к краю после остальных. Ничего не сказала. Положила маленькую ветку ольхи, которую сорвала у крыльца. Ян шагнул к ней, но остановился. Матильда стояла чуть позади, беззвучно шевеля губами. Вера не знала, молится

она или поёт про себя; спрашивать было бы нелепо.

Когда стали расходиться, Фальк подошёл к Норе. Подтвердил, что запрос врачу отправлен. Ответ может прийти позже завещания. Он попросил не связывать отсутствие скорого ответа с чьей-то виной. Нора выслушала и сказала о северной простыне. Вера показала красную черту на своём рисунке. Констебль попросил оставить ткань сухой, не тереть и не добавлять к следам собственных пометок. Доказательством переноса тела одна простыня не была. Но он запишет её происхождение отдельно.

— Вы вернётесь все? — спросил он.

— Я заеду в прачечную, — сказала Нора. — Потом в дом.

— Я на почту, — сказала Вера. — С ними же.

— Тогда до четвёртого утра. Если понадобится раньше, пришлите записку с мальчиком. Адрес знаете.

Вера ещё раз посмотрела на дорогу. Можно было сесть в городской извозчик, довести портфель до театра, отдать помощникам деньги лично и больше не возвращаться. Пока существовал этот выбор, остаться не казалось подвигом. Она просто не хотела бросать вещь в середине, а теперь у неё были вопросы, которые не помещались в первоначальную смету.

В прачечной пахло паром, мокрым льном и горячим хлебом. Нора сразу изменилась: сняла шляпу, проверила котёл, спросила, пришёл ли заказ из гостиницы. Её работники не стали обнимать её всем составом. Одна молча поставила

чашку, другая дала книгу, третья пожаловалась на треснувшую ручку корзины. Вера поняла, почему Нора любит это место. Здесь соболезнавание могло выглядеть как продолжение дела, которое человек выбирал сам.

Нора выдала плату, оставила распоряжения до следующего вечера и поправила мальчику передник. Вера дождалась у двери. Потом они пошли на почту. Вера отправила деньги Элле и Марте, каждый перевод — на своё имя, с точной суммой. В записке не было ни премии, ни обещания вернуться знаменитой. Она написала, за какие недели платит, и попросила прислать расчёт за остаток. Когда служащий поставил печать, у неё разом стало меньше денег и меньше тяжести в груди.

Они купили нитки, мыло и свечи для Матильды. Нора сама несла пакет, не позволяя завернуть его в ещё одну ненужную бумагу. По дороге к саням Вера спросила, хочет ли та остаться в городе. Нора покачала головой.

— Сейчас я буду думать о доме даже здесь. Лучше пойму, что там происходит. Потом уеду. И дверь должна остаться там, где я её оставляю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.